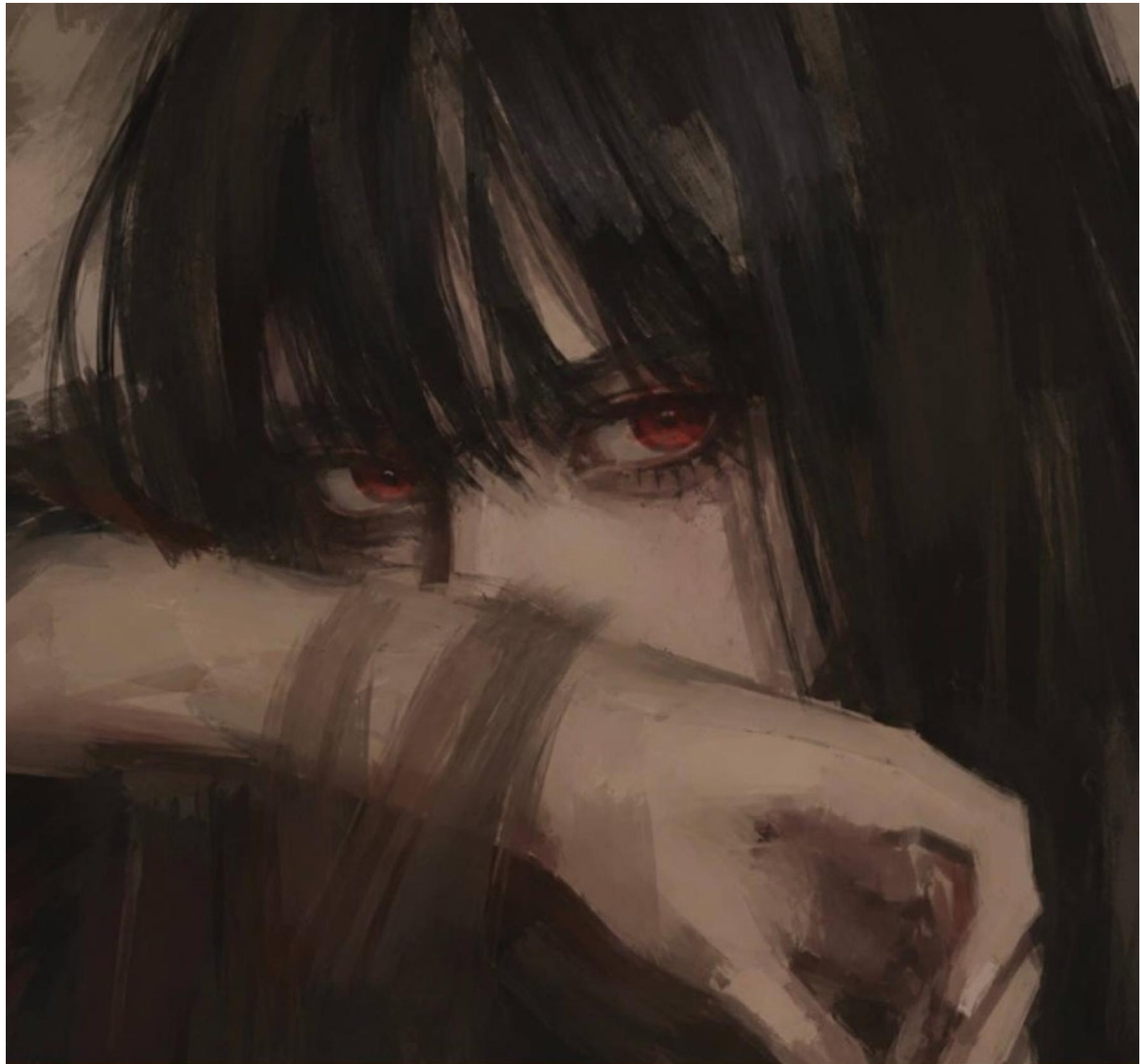

Knigaililavka

Ровшан Курбан

Свидетельство отчуждения

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ровшан Курбан

Свидетельство отчуждения

«Автор»

2026

Курбан Р.

Свидетельство отчуждения / Р. Курбан — «Автор», 2026

Свидетельство отчуждения — роман о границе между справедливостью и гордыней, между желанием изменить мир и попыткой поставить себя выше него. Когда-то Есения была обычной девушкой — с простыми взглядами, надеждами и желанием поступать правильно. Но однажды обстоятельства заставляют её взглянуть на мир иначе. Столкнувшись с жестокостью, обманом и человеческими слабостями, она постепенно начинает верить, что знает больше других и имеет право вмешиваться в чужие судьбы. То, что когда-то казалось ей стремлением к справедливости, незаметно превращается в путь, на котором всё труднее отличить добро от собственного желания.

© Курбан Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	6
1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ровшан Курбан

Свидетельство отчуждения

Ровшан Курбан
Свидетельство отчуждения

Баку — 2026

Художественное оформление серии -- Ровшан Курбан.

В оформлении обложки использована репродукция картины «Yesenya»

Ровшан Курбан.
Свидетельство отчуждения. Баку 2026
2026. - _ с.

Свидетельство отчуждения — роман о границе между справедливостью и гордыней, между желанием изменить мир и попыткой поставить себя выше него.

Когда-то Есения была обычной девушкой — с простыми взглядами, надеждами и желанием поступать правильно. Но однажды обстоятельства заставляют её взглянуть на мир иначе. Столкнувшись с жестокостью, обманом и человеческими слабостями, она постепенно начинает верить, что знает больше других и имеет право вмешиваться в чужие судьбы. То, что когда-то казалось ей стремлением к справедливости, незаметно превращается в путь, на котором всё труднее отличить добро от собственного желания.

ISBN:

© Оформление серии: «Книгаилилавка», 2026.

© Ровшан Курбан, 2026

Посвящение

Посвящается людям, которые не могут принять решение во время тяжёлых перемен. В один из периодов моей жизни, среди разочарований и сомнений, мне тоже было тяжело сделать правильный выбор. Нельзя позволять эмоциям овладевать человеком, ведь порой это может привести к трагическим последствиям.

1

Кондуктор закрыл двери вагонов и сообщил о том, что поезд выдвигается. Через минуту прозвучал свисток, и поезд не спеша отправился на северо-запад.

Есения прошла по вагону, чтобы найти и занять своё место в купе, и с каждым шагом ей казалось, что поезд движется не только вперёд, но и внутрь неё самой, туда, где мысли становятся тяжелее любого чемодана, а привычная уверенность в реальности начинает тихо, почти незаметно осыпаться. Доски пола отвечали глухо, словно неохотно признавали её присутствие, а редкие пассажиры по пути не задерживали взгляда, они существовали как фрагменты чужих жизней, случайно вырванные и вставленные в этот коридор, где всё было слишком тесно и слишком временно. Кто-то уже устроился, разложив вещи с той болезненной аккуратностью людей, которые пытаются удержать контроль над тем, что по определению ускользает, кто-то просто смотрел в окно так, будто там скрыт ответ, который не обязан быть понятным. Она шла дальше, и с каждым шагом в ней нарастало не столько чувство опасности, сколько ожидание её — как перед громом, когда небо уже знает, что будет удар, но ещё не решило, где именно он разорвёт тишину; номер купе она нашла не сразу, дважды проходя мимо, и это повторение показалось ей странным не само по себе, а тем, как легко оно вписалось в ощущение, что пространство чуть сдвинуто, будто коридор уже видел её раньше и теперь, из вежливости или насмешки, повторялся с едва заметной ошибкой, как плохо запомненная фраза. Дверь купе была приоткрыта, и изнутри тянуло тёплым воздухом, смешанным с запахом старого текстиля и чужого присутствия, которое ещё не успело стать воспоминанием. Она остановилась, и в этот момент, стоя на пороге, поняла не умом, а чем-то глубже, что самое тревожное в любой дороге, это не отправление и не прибытие, а та тонкая, почти неуловимая пауза между ними, когда ты уже почти вошёл в чужую жизнь, но ещё не знаешь, станет ли она твоей или твоей последней.

Открыв дверь, она увидела две потрёпанные кровати, старый исцарапанный квадратный стол, на котором стояла коричневая ваза, а в ней яблоки, в одном из которых был воткнут кухонный нож с красивой деревянной рукоятью, на которой было что-то выгравировано. В купе было тихо, но это была не обычная тишина дороги, в ней чувствовалась какая-то плотность, как будто воздух давно впитал в себя чужие разговоры, дыхание, ожидание и теперь просто хранил их, не решаясь отпустить. На верхней кровати лежала девушка лет двадцати: рыжие короткие волосы рассыпались по подушке так, словно они не подчинялись времени, румяные щёки казались почти живыми в этом тусклом освещении, а невероятно длинные ресницы отбрасывали тень, похожую на тонкую границу между сном и пробуждением. Она выглядела спокойно — даже слишком спокойно, как человек, который либо полностью доверяет миру, либо уже знает о нём всё, что другим ещё предстоит узнать, и потому больше не сопротивляется. И в этой неподвижности было что-то тревожное, почти неправильное, как в красивой картине, на которой художник случайно оставил лишнюю деталь, заметную только тем, кто долго смотрит и не может отвести взгляд.

Она обратила на меня внимание, но, не проронив ни слова, продолжила читать свою книгу, и в этом молчании было не просто равнодушие, а скорее какая-то особая, почти отстранённая уверенность человека, который не считает нужным объяснять своё присутствие миру, будто мир сам обязан догадаться о его смысле. Лист страницы дрогнул в её пальцах так естественно и спокойно, словно никакого вторжения в купе и не произошло, словно я была лишь очередным движением воздуха, случайной тенью у двери, не заслуживающей ни вопроса, ни удивления. И всё же в этом спокойствии было что-то неправильное, не явное, не кричащее, а тонкое, как едва заметный перекося в знакомом лице, как ощущение, что ты уже видел этот момент раньше, но в другом сне, в другой жизни, где всё закончилось иначе, хотя ты не помнишь, как именно. Она не поднимала глаз, и от этого становилось только труднее, потому что

человек, который игнорирует тебя осознанно, всегда оставляет больше вопросов, чем тот, кто смотрит прямо.

Я бросила багаж на пол, и этот глухой удар ткани о старый пол купе прозвучал неожиданно громко, не потому что звук был сильным, а потому что тишина вокруг него оказалась слишком плотной, будто само пространство на мгновение прислушалось ко мне. Я не сказала ни слова, не посмотрела ни на неё, ни на купе, словно любое лишнее движение могло разрушить хрупкое равновесие этого вагона, где каждый уже существовал в своём отдельном молчании, не нуждаясь в объяснениях.

Я улеглась спать, почти не разбирая, где заканчивается усталость тела и начинается усталость мыслей, после долгих командировок всё внутри становилось одинаковым, серым и приглушённым, как будто жизнь на время теряет контуры и превращается в непрерывное движение без смысла и остановок. Одеяло оказалось тяжёлым и чужим, подушка слишком жёсткой, но даже это не имело значения, потому что сон уже подступал не как отдых, а как единственная форма отключения от мира, в котором больше не оставалось сил быть внимательной.

Проснувшись, я приподняла голову, чтобы посмотреть, который час, и часы, хоть и были старинными на вид, будто бы они действительно находились здесь с начала века, с упрямой точностью показывали время, было уже пять вечера. В этом времени было что-то странное, не само число, а ощущение провала, как будто несколько часов просто исчезли, не оставив после себя ни сна, ни мыслей, только тяжесть в теле и смутное чувство, что мир продолжал жить без моего участия. Я медленно села, пытаясь собрать себя из этой сонной рассеянности, и только тогда заметила, что соседки в купе нет.

На мгновение это показалось даже естественным, почти незначительным фактом, как будто человек мог просто выйти, оставить книгу, дыхание, след присутствия и раствориться в коридоре поезда так же легко, как выходят из комнаты в гостинице. Я подумала, что она, наверное, ушла в туалет или просто решила пройтись, размять ноги. Но купе выглядело иначе без неё, словно стало более пустым, чем должно быть, хотя вещей её я почти не успела заметить, и именно эта пустота начинала постепенно цепляться за внимание, как тонкая, навязчивая мысль, которая ещё не стала страхом, но уже перестала быть просто случайностью.

Я решила сходить выпить воды, потому что во рту пересохло, а сон оставил после себя тяжесть, от которой хотелось избавиться хоть чем-то простым и понятным. Графин с чистой водой стоял при входе в вагон, как это обычно бывает в поездах дальнего следования, где такие вещи создают ощущение привычного порядка, хотя сам поезд всегда остаётся чем-то временным и немного чужим.

Я вышла из купе, и коридор встретил меня тишиной, более плотной, чем раньше, будто он стал длиннее за те часы, что я спала. Шаги звучали глухо и отдельно, как будто принадлежали не мне, а кому-то другому, и от этого становилось неудобно, хотя причин для тревоги я пока не находила. Лампы под потолком давали тусклый, ровный свет, в котором двери купе выглядели одинаковыми, почти безликими, и вагон казался вымершим или слишком рано уснувшим.

У входа в вагон стоял графин, и я подошла к нему, чувствуя, как странно спокойно всё вокруг, слишком спокойно для места, где постоянно кто-то должен двигаться, разговаривать, жить. Вода внутри была прозрачной и неподвижной, и в этот момент мне показалось, что сама эта неподвижность не совсем естественна, как будто поезд замер не физически, а внутри какого-то более глубокого ощущения реальности.

Вернувшись в вагон, я осторожно прикрыла за собой дверь, стараясь не издать ни малейшего звука, словно боялась нарушить хрупкий покой этого замкнутого пространства. И почти сразу же за спиной раздался голос:

— Это я вас разбудила?

Я вздрогнула. Вопрос прозвучал слишком внезапно, почти виновато, будто она уже заранее предполагала в себе вину. Это была моя соседка. Она снова лежала на своей койке, как

и прежде, с книгой в руке, словно ничего и не происходило, словно время здесь текло иначе, не так, как у всех остальных.

— Нет, вовсе нет, — ответила я тихо, почти шёпотом, и сама удивилась тому, как быстро и поспешно это прозвучало.

— Куда держите путь? Небось, тоже возвращаетесь домой?

Я на мгновение замялась. Дом... это слово вдруг показалось мне слишком определённым, слишком уверенным для того, что я сама сейчас чувствовала.

— Да. Всю жизнь я проживала в Ленинграде, а в Москву отправлялась по командировке.

На её лице появилось лёгкое удивление — не резкое, не явное, а скорее мягкое, почти растерянное, словно мои слова на мгновение выбили её из привычного течения мыслей.

— Простите мне мою наглость, но не могу не спросить... кем вы работаете? — спросила она, чуть приподняв брови, словно сама не была уверена, имеет ли право задавать такой вопрос, и всё же не могла удержаться от него. В её взгляде было не столько любопытство, сколько тихая, осторожная попытка понять меня.

Я тихо засмеялась, сама не ожидая от себя такой реакции. Мы ведь почти не были знакомы, но в ней уже чувствовалось что-то удивительно простое и тёплое, какая-то наивная доверчивость, от которой становилось немного легче дышать. К тому же она показалась мне добрым человеком, из тех, кто не умеет прятать свои мысли и не видит в мире лишней злобы, даже если та где-то и есть.

— Я журналист, — ответила я после короткой паузы, — в основном работаю с газетами и разными бумагами: вёрстка текстов, иногда заметки, проверка материалов, — продолжила я уже спокойнее, почти отстранённо, как человек, который давно привык говорить о себе так, будто речь идёт о ком-то другом. И всё это кажется мне довольно обычным, даже немного скучным, хотя, если быть честной, в этой работе есть своя странная жизнь, своя суeta и ритм, который затягивает сильнее, чем кажется на первый взгляд, и именно это несоответствие между внешней простотой и внутренней сложностью всегда вызывало во мне лёгкое недоумение.

Я слегка пожала плечами, будто пыталась обесценить то, чем занимаюсь, как будто это движение могло снять с меня ответственность за собственную жизнь, но в глубине души я понимала, что всё это всё же часть меня, неотделимая и упрямая, как след, который невозможно стереть, не повредив саму кожу.

— А сейчас я направляюсь навестить подругу, — добавила я уже тише, и в этом тоне вдруг появилось что-то почти личное, уязвимое, — мы не виделись больше полугода, и мне самой до конца не ясно, почему я так долго откладывала эту встречу, — закончила я, чувствуя, как между словами повисает не столько объяснение, сколько запоздалое сомнение, которое всегда приходит позже, чем следовало бы.

— Вау, какое совпадение!.. — воскликнула она слишком поспешно и тут же осеклась, будто сама испугалась своей внезапной откровенности. — Кхм... хотя я ведь даже не представилась, — добавила она, притормаживая, и в этом «притормаживании» было что-то неловкое, почти виноватое, — я Лиза Журавлева, студентка третьего курса, и, знаете... — она на мгновение задумалась, словно решая, стоит ли продолжать, — я очень люблю запечатлевать особые моменты, вот на эту камеру, — она достала из кармана багажа небольшой фотоаппарат, не слишком примечательный на первый взгляд, но держала его с такой осторожностью, будто это была вещь редкая, почти личная, — вы, наверное, справитесь... хотя, может быть, вам и неинтересно, как я вообще к этому пришла... ведь в наше время такие объективы — редкость, почти недостижимая вещь, о которой многие только мечтают, — она чуть усмехнулась, но в этой усмешке было больше сомнения, чем веселья, — но я всё-таки расскажу... это началось пару лет назад, когда я прочла одну книгу, там был молодой парень, который относился к своей жизни как-то странно, сухо, почти равнодушно, он считал себя ненужным, лишним, как будто его существование — это ошибка, и, знаете, в этом было что-то... слишком знакомое,

— она чуть понизила голос, — но в один момент всё изменилось, резко, почти необъяснимо, он встретил любовь всей своей жизни и словно проснулся, начал работать, учиться, стал целеустремлённым, будто в нём вдруг появилась сила, о которой он раньше не знал или не хотел знать, и вот... самое главное, к чему я это всё веду, — она сжала камеру чуть крепче, — он с детства прекрасно рисовал, так, что даже педагоги восхищались, и каждый момент, проведённый с ней, он не просто проживал, нет... он как будто боялся его потерять, поэтому рисовал её, снова и снова, на разных фонах, в разных состояниях, и складывал всё это в альбом, как доказательство того, что это было, что это не исчезнет... это очень романтично, может быть, даже наивно, — она чуть улыбнулась, но сразу отвела взгляд, — но вот поэтому... однажды я тоже найду свою любовь... и буду фотографировать его на этот объектив, чтобы ни один момент не исчез бесследно.

Я, не задумываясь, протянула ей визитку нашей студии, сказав:

— Если надумаете присоединиться, буду только рада.

Улыбнувшись, я легла на скрипучую кровать.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь, словно между сном и явью пролегла какая-то тонкая, но упрямая преграда, не дававшая мыслям собраться воедино, и лишь спустя мгновение до меня дошло, что я, оказывается, задремала, случайно, бессмысленно, будто пытаюсь укрыться от чего-то, от чего, впрочем, укрыться невозможно; меня разбудил протяжный, почти раздражающий звук гудков поезда и чей-то резкий, чужой крик — контролёр, кажется, но в этом крике было столько обыденности, что он почему-то показался мне особенно невыносимым, почти грубым вторжением в мои ещё не до конца угасшие мысли; поезд уже прибыл, остановился окончательно, и в этом остановившемся движении вдруг почувствовалась какая-то окончательность, будто не просто путь завершился, а нечто большее, и это значило лишь одно — пора выходить; я поднялась, вышла из вагона, ступив на платформу с какой-то странной тяжестью, словно каждый шаг требовал внутреннего усилия, и, едва переведя дыхание, почти не слыша собственного голоса, прошептала, больше для себя, чем для кого-либо:

— Начинается прежняя жизнь.

Перед тем как добраться до дома, Есения ещё заранее, почти с той тихой внутренней обязательностью, которая редко поддаётся сомнению, решила навестить старую знакомую, в сущности, даже не просто знакомую, а единственного по-настоящему близкого человека, потому что их связь тянулась ещё из самого детства, из тех лет, когда границы между «я» и «другой» почти не ощущаются, когда растёшь рядом день за днём и постепенно перестаёшь различать, где заканчивается твоя жизнь и начинается чужая; они росли вместе, почти как сёстры, деля между собой то, что обычно не делят даже родные, и этой ближайшей подругой, этим почти родственным существом была Марина — ровесница Есени, но с характером настолько иным, что их различие иногда казалось не случайностью, а каким-то намеренным противопоставлением: Марина была шумной, живой, из тех людей, чьё присутствие сразу заполняет пространство, не оставляя в нём пустоты, она легко смеялась, легко говорила, легко входила в любую комнату, словно приносила с собой свет и движение, тогда как Есения, напротив, отличалась спокойствием, почти неподвижной внутренней собранностью, отсутствием суеты, и в этом их различии, столь явном и почти болезненно контрастным, странным образом не было разрыва, наоборот, оно удерживало их рядом, как если бы две противоположности, не совпадая ни в чём, всё же нуждались друг в друге именно из-за этой несхожести.

Доехав до Петроградского района, я невольно прильнула взглядом пару улиц, внимательно рассматривая эти улицы и здания, будто пыталась убедиться, что всё это действительно осталось тем самым местом, которое я помнила. Казалось бы, прошло всего полгода, не такой уж большой срок, но район изменился сильнее, чем я могла представить. Некоторые дома, раньше потемневшие от времени и сырости, теперь были облицованы новым камнем и перекрашены в светлые цвета, из-за чего выглядели почти незнакомыми. Где-то исчезли старые

вывески, а вместо них появились современные, слишком яркие и чужие для этих улиц. Маленькие магазины, в которые раньше заходили жители соседних домов, сменились сервисами с зеркальными дверями. Даже парикмахерская для женщин на том углу, возле которой всегда пахло краской для волос и стояли выцветшие цветочные горшки, раньше ведь была обычным продуктовым магазином. Я хорошо помнила его узкие проходы, старый холодильник у стены и недовольную продавщицу, которая постоянно ворчала на шумных подростков. Теперь же от того места остался только сам угол здания. Пока меня здесь не было, город продолжал жить своей жизнью, менялся, перестраивал себя и словно постепенно стирал всё, что когда-то казалось мне привычным.

Найдя тот самый дом, я медленно подошла к нему, невольно задержав взгляд на знакомых окнах и потемневших от времени стенах, и в тот же момент внутри разлилось тёплое, почти болезненное чувство ностальгии. Казалось, будто вместе с этим двором, потрескавшимися ступенями и старой дверью ко мне возвращалась какая-то давно забытая часть прошлого. Всего лишь полгода — смешной срок, если задуматься, но почему-то ощущалось это так, словно меня здесь не было целую вечность.

Я поднялась на третий этаж и нажала на старый, покрытый пылью звонок, который жалобно и скрипуче отозвался где-то за дверью. В подъезде стояла привычная тишина, нарушаемая только глухим эхом шагов и едва слышным шумом улицы из приоткрытого окна между этажами. Прошла минута, затем другая, но дверь так никто и не открыл. Прождав около пяти минут, я подумала, что она, наверное, просто спустилась в магазин — по субботам она обычно не работала и редко выходила куда-то далеко. Мысль о том, что она могла уехать к родителям, исчезла почти сразу; родителей у неё не было, она выросла сиротой и никогда особенно не любила говорить об этом. Немного поколебавшись, я постучала в дверь соседей напротив, надеясь хотя бы у них узнать, дома ли она, но за дверью тоже оказалось тихо, будто на всём этаже никого не было. Тогда неприятное чувство внутри стало только сильнее, и, бросив последний взгляд на её дверь, я медленно спустилась обратно вниз, решив поговорить со сторожем у входа.

— Добрый день, Василий Аркадьевич, как поживаете? — спокойно спросила я, подойдя ближе к его маленькой каморке у входа.

Василий Аркадьевич был уже довольно пожилым мужчиной и работал сторожем в этом доме ещё со времён после Отечественной войны. За все эти годы он почти не изменился в моих воспоминаниях: всё тот же старый тёмный китель, неторопливые движения и удивительно спокойный взгляд, будто его вообще невозможно было чем-то по-настоящему встревожить. Иногда эта его странная невозмутимость даже казалась немного пугающей, словно он смотрел на мир с усталой мудростью человека, пережившего слишком многое. Но, несмотря на это, человеком он был добрым и по-своему заботливым. Как-никак, а знала я его уже очень давно, ещё с тех времён, когда сама бегала по этому двору ребёнком.

Он медленно снял свои старые, но всё ещё блестящие очки, тщательно протёр их краем потёртого рукава и снова прижал к переносице. Несколько секунд Василий Аркадьевич внимательно всматривался в моё лицо, будто не до конца верил собственным глазам, а затем его обычно спокойное и уставшее выражение неожиданно оживилось. В уголках глаз появились тёплые морщины, и он даже слегка выпрямился на своём стуле.

— Сто лет сто зим! Да это же наша девочка Есения! — с искренней радостью в голосе воскликнул он. — Какими судьбами тут будешь?

От этих слов внутри вдруг стало как-то теплее. За всё время, что меня не было, впервые появилось ощущение, будто меня здесь действительно помнили и ждали.

— Да вот мимо проходила, решила зайти к Марине, — с лёгкой улыбкой ответила я, опустив взгляд на потрескавшийся пол у входа. — Полгода уже не виделись с нею.

— Это хорошо, людей забывать нельзя, — медленно проговорил Василий Аркадьевич, задумчиво покачав головой. — Я всегда считал, что человек в первую очередь должен думать о других людях. Наверное, именно это нас и отличает от животных.

Он ненадолго замолчал, поправляя очки на переносице, а затем его голос стал чуть тише и серьёзнее.

— Но, к моему сожалению, помочь тебе я особо не смогу. Я её уже несколько дней не видел. То ли в квартире заперлась и носа не показывает, то ли ещё что... Сказать, что куда-то уехала, тоже не могу. Последний раз, если память не подводит, видел её в среду — заходила в подъезд вечером, как обычно. А после этого будто пропала. Больше, увы, ничего сказать не могу.

После его слов внутри у меня неприятно похолодело. До этого момента всё казалось обычным совпадением, мелочью, которую можно объяснить походом в магазин или внезапными делами, но теперь тишина в её квартире начала ощущаться совсем иначе.

— Но тебе, можно сказать, повезло, — вдруг добавил Василий Аркадьевич, словно что-то вспомнив. — У меня ведь есть ключ от её квартиры. Ещё бабушка Григорьевна оставляла мне запасной много лет назад, на всякий случай.

Он медленно полез в карман старого кителя и достал небольшую связку потемневших ключей, тихо звякнувших в его морщинистой ладони.

— С тех времён так и храню. Мало ли что в жизни случается.

Я невольно посмотрела на ключ, и внутри снова появилось то странное беспокойство, которое становилось всё сильнее с каждой минутой. Ещё совсем недавно вся эта ситуация казалась обычной случайностью, но теперь тишина за дверью Марины уже не выглядела такой безобидной.

Поднявшись, он вставил ключ в скважину, и я осторожно приоткрыла дверь, из которой сразу ударил тяжёлый, затхлый воздух, от которого внутри всё неприятно жалось; я несколько раз громко окликнула Марину, потом почти с отчаянием, но в ответ была только глухая тишина, и каждый шаг по квартире отдавался слишком громко, будто стены усиливали любое движение; я прошла спальню, затем небольшую столовую, ничего, ни звука, ни следа присутствия, только странная, давящая неподвижность, от которой становилось трудно дышать; и когда я подошла к двери, ведущей на закрытый балкон, внутри всё резко оборвалось, будто реальность на секунду сломалась, ноги подкосились сами собой, и я рухнула на колени, не в силах удержаться, а крик вырвался сам: резкий, сорвавшийся, чужой даже для меня, потому что за этой дверью было то, к чему я совершенно не была готова. Тело моей подруги валялось на полу, с воткнутым ножом в горловой части.

Я попыталась вдохнуть, но воздух будто застрял где-то в горле, и всё вокруг стало слишком тихим и одновременно слишком громким. Василий Аркадьевич что-то говорил позади, но слова до меня доходили обрывками, как сквозь воду. Я не сразу поняла, что он уже стоит рядом, пытаюсь поднять меня с пола. В голове билось только одно: что-то здесь было окончательно и безвозвратно неправильно, и теперь это «неправильно» уже нельзя было развидеть или забыть.

Василий Аркадьевич тут же вызвал скорую и милицию, его руки заметно дрожали, но голос оставался собранным, будто он старался держаться за привычную спокойную роль до последнего; через некоторое время нас попросили пройти в отделение и дать все сведения, которые мы могли знать о Марине и её последних днях. Я шла рядом, почти не ощущая под собой земли, и всё время ловила себя на мысли, что происходящее не может быть реальностью, будто это какая-то ошибка, случайный сон, из которого вот-вот проснусь. Но холодные стены отделения, равнодушные взгляды и официальные вопросы быстро возвращали в действительность, от которой уже невозможно было отвернуться.

Из моей головы не вылетали тревожные мысли: «Но единственный, кто мог попасть в её квартиру, как раз-таки был Василий Аркадьевич... но зачем ему идти на такую жестокость?» — и следом, почти сразу, ещё одна, ещё более страшная: «Неужели я ошибалась в нём? Если да, то это значит... раз я всё знаю, то я... следующая?». Эти вопросы не давали мне ни на секунду обрести ясность, словно кто-то намеренно перемешал все мои воспоминания и сомнения в один болезненный клубок, который невозможно распутать; я пыталась зацепиться за логику, за привычное представление о людях, которых знала годами, но оно рассыпалось на глазах, не выдерживая давления страха. Мысли рвали меня изнутри, не позволяя хотя бы на мгновение начать думать спокойно и разумно. Никогда прежде мне не было так плохо — будто почва под ногами исчезла, а всё, что казалось знакомым и безопасным, внезапно оказалось под вопросом.

— Благодарим за показания. Будьте начеку, Есения, — произнёс один из милиционеров, уже закрывая папку с записями. В его голосе не было ни лишней мягкости, ни привычной официальной холодности — скорее что-то между осторожностью и предупреждением, от которого внутри снова неприятно сжалось.

Я кивнула, не сразу находя в себе силы ответить. Слова будто застряли где-то на полпути, а в голове всё ещё гулко отдавались собственные мысли, смешанные с тем, что я только что услышала и увидела. Второй милиционер мельком взглянул на меня, затем на Василия Аркадьевича, но ничего больше не сказал.

Через полчаса мы вышли из отделения молча. Воздух снаружи показался слишком резким, почти ледяным, хотя раньше я бы, наверное, не обратила на это внимания. И только сейчас до меня по-настоящему начало доходить, что «будьте начеку» — это не просто формальность.

Выйдя из участка, я едва удержалась на ногах. Мир вокруг словно потускнел и стал каким-то далёким, ненастоящим, будто меня насильно вырвали из привычной жизни и бросили в чужую, холодную реальность, где уже ничего нельзя исправить. С трудом добравшись до Набережной Грибоедова, я опустилась на старую перекошенную скамью, которая жалобно заскрипела подо мной. Вечерний Ленинград тонул в сыром тумане; чёрная вода канала медленно колыбалась под мутным светом редких фонарей, а ветер тянул от неё промозглым холодом, пробирающим до костей. Людей почти не было, и от этой пустоты становилось только страшнее, словно весь город внезапно вымер, оставив меня наедине с тем, что произошло. Прошло всего несколько часов, но сознание всё ещё отказывалось принимать случившееся. Казалось, стоит только закрыть глаза — и всё исчезнет, окажется дурным сном, нелепой ошибкой, после которой Марина снова откроет дверь своей квартиры и недовольно спросит, почему я пришла без предупреждения. Ещё месяц назад я держала в руках её письмо, читала знакомый почерк, а теперь от неё осталась только пугающая тишина и это невыносимое чувство опоздания. В груди медленно разрасталась тяжёлая, удушающая вина. Если бы я приехала раньше... хотя бы на пару дней... может быть, ничего бы не случилось. Может быть, она была бы жива. Но тогда кто?.. Кто мог сделать с ней такое? Мысли снова и снова возвращались к Василию Аркадьевичу, и от одной этой догадки становилось физически плохо. Нет... нет, это невозможно. Человек, которого я знала столько лет, не мог оказаться способен на подобную жестокость. Или всё это время я просто ничего не замечала? От этой мысли внутри будто что-то окончательно надломилось. Я согнулась вперёд, закрыв лицо дрожащими руками, и впервые за долгое время разрыдалась так, словно вместе со слезами из меня медленно выходило всё, что ещё удерживало меня на плаву.

— Прости меня, дорогая Марина... прости... если бы я приехала хотя бы на неделю раньше... — сквозь слёзы почти выкрикнула я, уже не замечая ни редких прохожих, ни холодного ветра. Голос дрожал и срывался, а слова сами вырывались наружу, будто вместе с ними из меня медленно выходила вся та боль, что с каждой минутой становилась только тяжелее и невыносимее. В груди жгло так сильно, словно кто-то медленно разрывал её изнутри, оставляя после себя лишь пустоту и чувство чудовищной вины. Мне казалось, что именно я виновата

в её смерти, что где-то допустила ошибку, опоздала, не заметила чего-то важного, не спасла единственного человека, который был мне по-настоящему дорог. Тёмная вода канала лениво колыбалась под тусклым светом фонарей, а Ленинград вокруг оставался равнодушно тихим, будто городу не было никакого дела до того, что мой мир только что окончательно рухнул.

Сорвавшись со скамьи, я почти рухнула на холодный мокрый бетон набережной, не чувствуя ни боли, ни пронизывающего ветра. Руки дрожали так сильно, что я едва могла опереться ими о землю, а слёзы застилали глаза густой пеленой, превращая огни фонарей в расплывчатые, дрожащие пятна. Со стороны это, наверное, выглядело так, будто я пыталась молиться — отчаянно, сломленно, почти безумно, но слова уже смешивались с рыданиями и криками, становясь бессвязными. Меня больше ничего не удерживало. Всё произошедшее навалилось разом: смерть Марины, чувство вины, страх, пустота, бесконечные мысли, которые разрывали сознание изнутри. Давление становилось невыносимым, и в какой-то момент я перестала понимать, что реально, а что нет. Мир вокруг словно расплывался и терял форму, оставляя меня один на один с этой удушающей, тёмной болью, из которой уже невозможно было выбраться.

— Простите, девушка... я понимаю, что вам сейчас не до разговоров, — тихо произнёс незнакомый голос рядом, осторожно, будто боясь нарушить хрупкое состояние, в котором я находилась. — Но мне кажется... вы потеряли что-то очень важное. Кого-то близкого. Может быть, даже родного.

Я не сразу поняла, что ко мне вообще обращаются. Слова доходили сквозь гул в голове, сквозь шум крови в ушах и тяжесть, будто придавившую меня к холодной земле. Я медленно приподняла взгляд, не до конца различая силуэт человека перед собой, он стоял чуть в стороне, не приближаясь, словно чувствовал, что любое лишнее движение может окончательно меня сломать. Это был мужчина лет сорока, с тёмной густой щетиной и усталым, потускневшим взглядом. На нём было старое чёрное пальто, местами вытертое и потрёпанное, чёрная шляпа, сдвинутая чуть набок, и тяжёлый чемодан в руке, будто он шёл не просто по городу, а нёс с собой что-то гораздо более тяжёлое, чем вещи. Он стоял неподвижно на фоне сырого воздуха набережной, и от его спокойствия становилось даже тревожнее, чем от моего собственного состояния.

Сквозь слёзы я едва слышно прошептала:

— Вы правы... я потеряла... потеряла единственного близкого мне человека... и теперь меня разрывает изнутри...

Голос дрожал, слова путались и выходили с трудом, будто не я их произносила, а какая-то боль внутри меня, которой уже невозможно было управлять; я судорожно вдохнула, но воздух не приносил облегчения, только усиливал пустоту и тяжесть внутри, и я продолжила тише, почти сорванным голосом:

— За один миг я лишилась всего... и теперь в голову приходят мысли, которые я не могу остановить, — последние слова повисли в сыром холодном воздухе, словно признание, после которого уже нельзя вернуться обратно.

Он помог мне приподняться, но ноги всё ещё не слушались, подкашивались, и я почти снова осела на холодный бетон. Мужчина вовремя подхватил меня, удержал за плечи и не дал упасть, а затем осторожно повёл вперёд, словно боялся сделать что-то не так. Мир вокруг оставался размытым и тяжёлым, я едва различала дорогу, слыша только собственное сбивчивое дыхание и глухие шаги рядом. Мы шли медленно вдоль набережной, и в какой-то момент он заговорил: спокойно, негромко, будто пытался удержать меня в реальности хотя бы голосом.

— Я понимаю, как вам тяжело, и нет... я говорю это вам вовсе не для того, чтобы поддержать вас или, уж тем более, заставить мстить, — сказал он ровно, не ускоряя шага, будто боялся, что любое резкое движение разрушит и без того хрупкое состояние. — Я сразу понял, что с вами, потому что однажды уже проходил через нечто похожее. И, пожалуй... неправильно

сказать, что я чувствовал то же самое. У меня это было иначе. Даже не от любви к человеку... а скорее наоборот.

Это была осень 1953 года. С самого детства я жил с тяжёлым, глухим чувством ненависти к своему отцу, которое росло во мне медленно и незаметно, пока не стало частью меня самого. Я пытался мстить ему по-разному: в детстве ломал его вещи и разбирал машину, позже, уже подростком, пытался ударить по его жизни через имущество и контроль, но чем старше я становился, тем яснее понимал одну холодную вещь — как бы я ни старался, он всё равно продолжал существовать, а время постепенно сглаживало любые раны, делая мою ненависть почти бессмысленной. И всё же мысль о мести не отпускала: если я не убийца, то как тогда вообще отомстить человеку, которого считаешь гнилым до самой сути? Он был именно таким, не вспышкой зла, а постоянным, тихим разрушением всего вокруг себя. Я приехал в Москву и прожил там три удивительно спокойных дня, пока на четвёртый мне не передали письмо о его смерти, и, возможно, вы подумаете, что я должен был почувствовать облегчение, но я не успел даже дойти до точки, где мог бы совершить то, что давно вынашивал: подлить ему яд, закончить всё сам, потому что за меня это уже сделал кто-то другой, убив его “как врага государства”, как говорили тогда, очистив его даже в глазах системы, которая сама считала его грязью. И тогда меня поразила странная пустота: человек исчез в один миг, а я потратил на ненависть к нему целых двадцать шесть лет. Со временем боль притупилась, и я понял, что не смог бы стать убийцей и не простил бы себе этого, но и это не принесло облегчения, жизнь осталась прежней, а шрамы, которые он оставил во мне, никуда не исчезли; а потом погибла моя жена, её сбила “Волга”, и в тот момент я окончательно понял, что остался ни с чем, и что жизнь не всегда забирает смысл сразу, иногда она делает это по частям, пока внутри не остаётся только пустота, и тогда я понял главное: как бы ни было больно, единственное, что остаётся человеку, — это не отрицать случившееся, а принять его, потому что иногда в нашем мире нет ничего, кроме принятия, что действительно помогает пережить то, что невозможно пережить.

— Пойдёмте, я провожу вас. У вас есть кто-нибудь, с кем бы вы могли остаться? Вам сейчас не стоит оставаться одной, — спросил мужчина, и в голосе его слышалось осторожное сострадание, будто он боялся сказать лишнее и вместе с тем уже не мог остаться безучастным; Есения медленно подняла на него уставший взгляд, в котором смешались растерянность, подавленность и какая-то странная, почти болезненная пустота, затем слабо улыбнулась — той короткой и непонятной улыбкой, которая появляется у человека скорее от внутреннего изнеможения, нежели от настоящего чувства, — и тихо ответила: “Есть... то есть была”, после чего замолчала, словно сама испугалась собственных слов, а вокруг между тем уже сгустился вечерний мрак, фонари горели тускло и лениво, и редкие прохожие, торопливо проходившие мимо, даже не замечали этой остановившейся посреди улицы сцены, полной немного человеческого отчаяния.

Спустя некоторое время они добрались до дома Есенин; это была скромная пятиэтажка, построенная всего несколько лет назад, — одно из тех серых и безликих зданий, которые в вечернем полумраке казались особенно унылыми и холодными. Мужчина молча помог ей подняться по лестнице, поддерживая её осторожно, и довёл до самой квартиры; уже у двери Есения тихо поблагодарила его, но прежде чем закрыть дверь, вдруг словно опомнилась и, подняв на него усталый взгляд, произнесла надломленным голосом: “Простите... я ведь даже не представилась. Я Есения, работаю в отделе журналистики”. Мужчина сдержанно кивнул и после короткой паузы представился в ответ, назвав себя просто Михайловым; затем добавил, что живёт неподалёку, в конце Литейного проспекта, и если вдруг понадобится помощь, она теперь знает, где его найти, после чего тихо произнёс: “Только не сдавайтесь”, — отвернулся, медленно спустился по лестнице и вскоре исчез в темноте опустевшего подъезда.

Всю ночь Есенин преследовали кошмары, но они были не похожи на обычные сны, в которых разум ещё пытается спрятаться за образами, это было скорее медленное, вязкое раз-

ложение самой мысли, когда даже страх перестаёт быть страхом и становится чем-то привычным, почти домашним; снова и снова возвращался Василий Аркадьевич, его лицо неясное, будто вырезанное из тумана, и один и тот же невозможный факт, от которого нельзя было ни отмахнуться, ни принять его окончательно: у него был ключ, обычный, металлический, такой, какой не должен принадлежать человеку с тихой, почти жалкой теплотой в голосе, человеку, который говорил так, будто извиняется за само своё существование, и от этого несоответствия Есении становилось не просто страшно, а унижительно страшно, словно сама реальность позволила себе ошибку в её присутствии, и тогда, уже на границе сна и пробуждения, когда мысли теряют опору и начинают говорить с человеком напрямую, её вдруг пронзило не понимание даже, а болезненное ощущение уже виденного — нож, тот самый нож, и не сам факт ножа был важен, а его узнавание без памяти, как будто тело знало раньше разума, как будто рука уже держала его где-то в иной, забытой жизни, и она пыталась вспомнить, но воспоминание не давалось, только усиливало тревогу, и оставалось лишь одно — слишком ясный, почти непристойно бытовой образ кухонного ножа с деревянной рукоятью, потемневшей от времени или от чужих прикосновений, и на этой рукояти что-то было, какая-то гравировка, знак или имя, которое она не разглядела тогда и теперь не могла вспомнить, но именно эта невозможность вспомнить вдруг показалась ей важнее самой смерти, потому что если даже предметы начинают скрывать от неё своё происхождение, если даже вещи перестают быть доказательствами и превращаются в ложь, то значит и её “правда”, её разделение мира на виновных и невиновных начинает расплываться изнутри, как трещина по стеклу, которую уже невозможно остановить, можно только ждать момента, когда всё рухнет окончательно.

Я поняла, что так больше продолжаться не может; это не было решением, скорее приговором, который она сама себе вынесла, потому что в ином случае сон становился невозможным, а бодрствование — бессмысленным продолжением той же пытки, где каждое воспоминание о вечере возвращало тот самый нож, ту деревянную рукоять с невидимой гравировкой, как будто мир нарочно оставил ей незавершённую деталь, чтобы она не могла закрыть глаза; мысль о том, что этот человек всё ещё на свободе, не вызывала у неё гнева в обычном смысле, она вызывала странное, почти физическое чувство загрязнения реальности, будто сама идея справедливости оказалась испачканной и теперь распространялась дальше, касаясь всего, чего она когда-либо считала правильным, и в этой тишине, уже без кошмаров, но с их остаточным эхом внутри, она впервые почувствовала не просто необходимость действия, а его неизбежность, как если бы кто-то другой уже решил за неё, оставив лишь исполнение, и тогда, почти спокойно, без прежней эмоциональной дрожи, она сказала себе: “Мне нужно поговорить с ним утром.”

Утром я снова отправилась к дому Марины, хотя само это возвращение уже ощущалось не как шаг, а как повторение чего-то заранее предreshённого: я искала Василия Аркадьевича у его будки, но там было пусто, и эта пустота показалась мне неправильной не потому, что там должен был кто-то быть, а потому, что сам факт отсутствия нарушал привычный порядок вещей, в котором даже такие люди, как он, всегда присутствуют на своём месте, как предметы; тогда я начала расспрашивать прохожих, почти механически, без надежды, скорее из необходимости продолжать движение мысли, и молодая женщина лет тридцати пяти, с усталым лицом человека, который слишком много раз видел утро и ничего в нём не находил нового, сказала, что видела его около девяти, из окна, как он подметал подъезды и поливал цветы — всё как обычно, с той же странной, почти неуместной аккуратностью, будто мир вокруг него не имел права разрушаться, но после этого она его больше не видела, и в этой простой фразе “не видела” было больше тревоги, чем в любом объяснении, потому что исчезновение здесь не звучало как событие, а как естественное продолжение чего-то.

Я принялась искать дальше и вскоре заметила знакомый силуэт недалеко от сада Ружденских; подойдя ближе, я узнала Лизу, да, ту самую девушку из вагона. Я почти сразу окликнула её и подошла, а она, увидев меня, словно на мгновение ожила, её лицо заметно просветлело,

будто моё появление было для неё чем-то неожиданно радостным и почти спасительным, и от этого её искреннего, простого счастья мне стало неловко, потому что оно не совпадало ни с моим состоянием, ни с тем, зачем я вообще сюда пришла.

— Это же вы! Какое совпадение, вроде вчера утром виделись, а тут бац, вновь! — сказала она почти с детской непосредственностью, будто сама жизнь для неё ещё сохраняла привычку случайных радостей и совпадений, и в её голосе не было ни тени тревоги, только лёгкое удивление, которому она позволила стать улыбкой; заметив моё состояние, она чуть наклонила голову и уже тише добавила:

— С вами что-то случилось? Вы выглядите очень уставшей и потрёпанной... могу вам чем-то помочь? — и в этой простой заботе было что-то почти болезненное для слуха, потому что она звучала так, будто мир ещё не успел объяснить ей, что помощь иногда приходит слишком поздно или не к тем людям, которые о ней спрашивают.

Немного задумавшись, я натянула на лицо улыбку, которая больше походила на привычку, чем на чувство, и сказала, что всё нормально, просто вымоталась с дороги, сама не веря в то, как легко эти слова выходят наружу, будто они принадлежали не мне; я быстро сменила тему и спросила, что она здесь делает, стараясь говорить так, как говорят люди, у которых внутри ничего не происходит, и она, не заметив фальши или не захотев её замечать, спокойно ответила, что живёт неподалёку, в том розовом доме, на третьем этаже четвёртого подъезда, и в этой простой, почти бытовой точности было что-то странно уязвимое, потому что место её жизни прозвучало не как описание, а как случайно выданная миру точка, где человек ещё не знает, что он может стать целью чужой мысли.

— Не хотите ко мне? У меня есть прекрасный английский кофе. Сразу поможет проснуться, — сказала она всё ещё с этой наивной, почти домашней лёгкостью, будто не замечая, как воздух вокруг меня стал тяжелее, плотнее, как если бы сам разговор уже начал менять направление и превращаться во что-то другое, чего она пока не могла распознать.

— Спасибо за гостеприимство, но мне придётся отказаться. Я ищу человека, которому должна задать пару вопросов, — резко бросила я, и в голосе уже не осталось той натянутой вежливости, которую я пыталась удерживать минуту назад; он вышел сухим, чужим, как команда, не требующая ответа.

И почти сразу я заметила, как Лиза изменилась. Улыбка исчезла не постепенно, а будто её срезали изнутри; взгляд стал внимательнее, тяжелее, в нём появилось напряжение, которого там раньше не было, и её спокойствие, ещё секунду назад живое и доверчивое, начало ломаться.

— Кому это... преподнести? — спросила она уже тише, но в этом “тише” не было мягкости — только настороженность, быстро переходящая в раздражение, как у человека, которого внезапно заставили почувствовать угрозу там, где он её не ожидал.

Я не ответила сразу, и это молчание, кажется, окончательно её задело: лицо Лизы стало жёстче, взгляд — прямее, почти вызывающим.

— Почему вы так напряжены? Ответьте мне, что же случилось? — настойчивее повторила она, уже не с прежней мягкостью, а с явным требованием объяснения, будто само право на спокойствие требовало от меня отчёта.

— Я ведь уже подтвердила, что всё нормально. Не лезь с одинаковыми вопросами, — резко ответила я, и в этой фразе сама услышала что-то чужое: не просто раздражение, а сухую, почти обрывающую интонацию, которая не оставляет места для продолжения разговора.

И в тот же момент внутри меня будто что-то дёрнулось — не сожаление и не злость, а короткое, неприятное осознание того, как легко слово может стать грубее мысли, как быстро я перестаю контролировать не действия даже, а сам тон, в котором эти действия существуют.

— Прости, мне пора идти, что-то я совсем вымоталась, — сказала я уже тише, почти автоматически, будто это была не просьба и не объяснение, а единственный способ оборвать

происходящее, пока оно не стало ещё более неудобным и не вышло из-под контроля окончательно.

И в тот же момент я почувствовала, как странно звучит эта фраза после моей резкости, будто я всё ещё пытаюсь вернуть себе прежний тон, прежнюю “нормальность”, но делаю это слишком поздно, и она уже не совпадает с тем, что произошло между нами секунду назад.

Попрощавшись, я уже решила покинуть двор, как вдруг на входе в “будке” всё-таки встретила Василия Аркадьевича.

Подойдя ко мне, он тихо спросил:

— Ну как ты? Я тоже ещё не полностью переварил всё это... кто бы знал, что всё вот так окаже... — и он не договорил, будто сам споткнулся о собственные слова.

Тогда я его перебила в слезах:

— Скажите... прошу, скажите, что это не вы, я этого не вынесу...

И, словно из меня выбили последние силы, я осела на колени, закрыв ладонями своё заплаканное, горячее лицо и уже не сдерживая рыдания, почти умоляя его соврать мне, дать хоть какую-то опору в этом рушащемся мире; но даже сквозь слёзы я отчётливо понимала, как холодная мысль пробивает сознание... никто больше не имел доступа к Марине, и от этого всё становилось невыносимо неясным и страшно простым одновременно.

— Деточка, ты нездорово мыслишь, твоё сознание затуманено, под твоими глазами большие мешки, ты явно не сомкнула глаза ни на секунду этой ночью, — сказал он спокойно, почти по-отечески, не делая ни шага ближе, будто боялся нарушить своё и без того хрупкое состояние. Он на мгновение замолчал, тяжело выдохнул и чуть мягче добавил:

— Иди, расслабься и поспи. Встань, тебе нужно прийти в себя.

Тогда я сорвалась в крик:

— Да как вы смеете... как вы смеете так спокойно об этом говорить! Вы убили человека... близкого мне человека... и теперь говорите мне успокоиться?!

Голос дрожал, ломался, срывался на истерику, и в этот момент всё внутри будто окончательно перестало держаться. Рука сама потянулась к полу, чтобы взять осколок от бутылки, и на секунду мир сузился до одного слепого импульса — доказать, остановить, заставить признать. Взяв с пола осколок, я сама не заметила, как сжала его в руке. В голове было только одно: он виноват, он должен ответить. Я замахнулась, не думая уже ни о чём, кроме той злости, которая несколько дней жила во мне и не давала спокойно дышать. Но вдруг, в самый последний миг, словно что-то остановило меня: “Что я делаю?” — мелькнуло в сознании. Я посмотрела на свою руку и впервые испугалась не его, а себя. На мгновение мне стало ясно, что я просто хочу, чтобы кому-то стало так же больно, как мне.

Василий Аркадьевич отшатнулся назад. Он посмотрел на меня с недоумением, будто всё ещё пытался понять, почему это произошло. Его губы слегка дрогнули, но он ничего не сказал. Через секунду он потерял равновесие и упал на пол. Я застыла на месте, глядя на него, пока последние движения не прекратились; крик оборвался. Остался только гул в ушах и ощущение, что воздух стал чужим и тяжёлым. И самое страшное, ясное, ледяное понимание: даже если я этого не хотела, я довела себя до предела.

Я стояла, не понимая до конца, что произошло, будто всё случилось не со мной, а где-то рядом, отдельно от реальности; смотрела туда, где он был, и в голове сначала было просто пусто, потом медленно начало доходить — это сделала я, и от этой мысли не было ни крика, ни слёз, только странное, тяжёлое онемение внутри; я посмотрела на свои руки, не узнавая их, сделала шаг назад, потом ещё один, почти автоматически, как будто тело пыталось отдалиться от самой себя, но в голове всё равно крутились обрывки его слов и моего крика, не складываясь в цельную картину, и единственное, что оставалось ясным среди этой тишины, простое и холодное понимание, что это уже произошло, и отменить это невозможно.

Я застыла ещё на несколько секунд, не зная, что делать дальше, и только потом в голове начала появляться простая, почти бытовая мысль: уйти. Не убежать в панике, а именно уйти, как уходят от места, где что-то случилось и ты уже ничего не можешь изменить. Я сделала шаг в сторону выхода, потом ещё один, но каждый шаг ощущался странно чужим, будто я шла не по земле, а по какому-то сдвинутому пространству, где всё стало медленнее и тяжелее. В какой-то момент я обернулась, не до конца понимая зачем, и увидела ту же неподвижную картину, от которой внутри снова коротко сжалось, но уже без эмоций, скорее как рефлекс. Я отвернулась и пошла дальше быстрее, почти автоматически, чувствуя только одно: нужно исчезнуть отсюда, пока это окончательно не стало частью меня.

Спустя два дня в руки мне попала газета, и сначала я даже не обратила на неё внимания, обычный шум дня, строки, которые читаешь краем глаза. Но потом взгляд зацепился за заголовок, и всё внутри резко стало холоднее.

«Пожилой мужчина в возрасте 70 лет был убит...» — дальше текст будто провалился, слова начали расплываться и снова собираться в одно и то же, от которого невозможно было отвести взгляд. «Зарезан каким-то небольшим предметом... Кто пошёл на такую жестокость?» Я перечитывала это снова и снова, хотя смысл уже был понятен с первого раза. И всё равно мозг отказывался принимать это как что-то реальное, будто речь шла о ком-то постороннем, не связанном со мной. Но затем шла следующая строка, и она ударила сильнее, чем всё остальное: «Это уже второе убийство на этой неделе».

Я замерла. В комнате стало слишком тихо, хотя вокруг ничего не изменилось. Просто вдруг появилось ощущение, что это уже не отдельный случай, не ошибка, не случайность, а что-то, что начинает складываться в систему. В дело был введён майор уголовного розыска — Родион Рубцов. Имя зацепилось в голове, как крючок. Не из-за него самого, а из-за того, что теперь у этого всего появилось направление, движение, цель.

Я медленно опустила газету, но строчки уже не отпускали. Впервые за всё это время пришло не чувство вины и не шок, а другое, более опасное ощущение: что это только начало, и теперь всё вокруг начинает сжиматься и давить, как петля, которая пока ещё не затянута, но уже точно существует.

На следующий день я прибыла на работу, и меня встретили удивительно тепло, с улыбками, слишком широкими, почти неестественными. Будто бы в редакции случился праздник, а не очередное убийство. В воздухе стоял запах дешёвого кофе, мокрых пальто и типографской краски; телефоны звонили без умолку, кто-то нервно смеялся, кто-то спорил через весь кабинет.

Лидия, моя коллега, первой подлетела ко мне и, едва сдерживая возбуждение, сообщила, что вокруг последних убийств поднялся невероятный ажиотаж. Весь отдел, по её словам, уже второй день работал почти без сна, цепляясь за любые слухи, фотографии и показания.

— Ты только представь, — шептала она, хотя вокруг и без того все кричали, — люди раскупили утренний выпуск меньше чем за час. Говорят, убийца оставил след.

Она сообщила, что нож, изъятый с молодой девушки, оказался самым обычным кухонным ножом, которыми торгуют почти на каждом рынке, а на его рукояти и лезвии были обнаружены следы крови самого убийцы. — Видимо, перед тем как на неё напали, она пыталась защититься, ранила его этим ножом, а после он выхватил его и использовал уже против неё, — произнесла Лидия с каким-то странным интересом в голосе, будто рассказывала не о жестоком убийстве, а о захватывающем сюжете из книги.

— Разве тот мужчина из другой статьи не был связан с этим убийцей? — спросила я осторожно, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя внутри меня уже начинало расти неприятное, липкое чувство тревоги.

Она ответила, что пока ещё неизвестно, один и тот же ли человек стоит за этими жестокими преступлениями, и что эксперты продолжают сравнивать все найденные следы, а как

только появятся новые результаты, их сразу же передадут в редакцию, при этом Лидия говорила это так уверенно, будто у них уже была нить, просто пока скрытая от остальных.

— Отлично, докладывай, если что, — сказала я, стараясь звучать спокойно и деловито, хотя внутри уже нарастало ощущение, что эта история слишком быстро начинает обрастать деталями, которые никто до конца не контролирует.

Я была встревожена и начала лихорадочно вспоминать, могла ли я где-то оставить отпечатки или какие-нибудь предметы, но чем больше я пыталась восстановить в памяти детали, тем сильнее всё путалось; и вдруг меня словно ударило мыслью: точно такой же нож я уже видела раньше, в купе, в вазе с яблоками, как будто он там лежал совершенно случайно, но слишком уж знакомо; и тут же возник вопрос, от которого внутри всё сжалось: был ли это нож Лизы, и если да, то как она вообще связана с Мариной, потому что в голове всё смешалось в один тревожный клубок, и, не выдержав этого давления, я вышла на улицу, чтобы хоть немного вдохнуть и вернуть себе ясность мыслей.

Через пару минут кто-то окликнул меня.

— Это же вы, Есения? Добрый день, — раздался голос за спиной.

Я обернулась и увидела незнакомого парня, уверенно стоявшего у входа в отдел.

— Я новый сотрудник в вашем отделе, информатор. Работаю второй месяц. Меня зовут Роман Фёдорович.

— Добрый, вы не ошиблись. Я начальница отдела. Приятно познакомиться, как вам тут у нас? — сказала я, стараясь держать ровный, уверенный тон, хотя внутри на секунду кольнуло странное ощущение, будто это знакомство происходит не случайно и слишком вовремя.

Он коротко поблагодарил и, чуть понизив голос, добавил, что сильно встревожен последними новостями, потому что, по слухам, человек, совершивший второе убийство, будто бы не просто убивает, а пытается «добиться справедливости», и от этих слов у меня внутри неприятно сжалось.

Я переспросила, что он имеет в виду, и он спокойно ответил, что в отделе ходят слухи: если это действительно один и тот же человек, то, возможно, речь идёт о мести, потому что второе убийство произошло всего через день и буквально в том же дворе, будто кто-то действовал слишком близко, слишком уверенно и слишком осознанно, как будто хотел, чтобы связь между этими случаями заметили сразу.

Я резко, не раздумывая, спросила, есть ли хоть какие-нибудь сведения о том, мог ли кто-то видеть этого человека через окно или с другой части улицы, и Фёдорович чуть прищурился, оглядывая двор, будто сам проверял, не слушает ли их кто-то лишний, а потом спокойно ответил, что пока точных свидетелей нет, но ходят слухи, что кто-то действительно видел силуэт у подъезда, слишком расплывчато, чтобы быть доказательством.

Тогда мне пришла в голову очень грязная и противная мысль: найти этого человека любой ценой. Паника накатила резко, почти физически: сердце сбилось, дыхание стало рваным, и на секунду показалось, что воздух во дворе закончился вовсе.

— Нельзя этого допустить, — тревожно прошептала я, и собственный голос прозвучал чужим, слишком тихим и неуверенным.

Где-то рядом скрипнула дверь подъезда, кто-то засмеялся вдалеке, но все звуки будто утонули в одном давящем шуме в голове; я вдруг ясно поняла, что если сейчас зацепиться за ложную мысль, повернуть не туда, то всё, что я пытаюсь удержать в порядке, окончательно рассыплется, и от этого понимания стало ещё хуже, не громче, а глубже, как будто тревога не кричала, а медленно затягивала внутрь.

— Если что, я буду наверху, обращайтесь, — сказала я уже спокойнее, стараясь вернуть голосу привычную уверенность, хотя внутри тревога всё ещё неприятно пульсировала.

Вернувшись на своё место, я начала перебирать газеты и свежие новостные статьи, пытаясь найти хоть какую-нибудь информацию, которая могла бы связать всё воедино; в моём рас-

поряжении был отдельный кабинет, тесный, тихий, пропахший бумагой и табаком, единственное место, где я могла остаться наедине со своими мыслями и спокойно разложить перед собой все улики, не отвлекаясь на чужие голоса и постоянный шум редакции.

Спустя время я не нашла ничего важного, никаких улик, просчётов или хотя бы зацепок, способных помочь мне раньше остальных, и от этого внутри начинало медленно закипать раздражение; если милиционеры найдут что-либо первыми, они всё поймут, нельзя этого допустить, но как... как я могу опередить их? Если я поеду на место преступления, что скажу? Что приехала как журналист? Но зачем, если вся информация уже давно передана в редакцию; мысли путались всё сильнее, пока я, не выдержав, резко не ударила рукой по столу, и стоявшая на краю хрустальная ваза с глухим звоном рухнула на пол, но, к моему странному раздражению, даже не разбилась.

В кабинет тут же ворвалась Лидия. Судя по сбившемуся дыханию, она бежала со всех сил, испугавшись громкого звона, и, быстро оглядев комнату, встревожно спросила, что произошло, но я лишь коротко ответила, что просто ударилась, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё ещё неприятно дрожало от злости, тревоги и ощущения, что время начинает работать против меня.

— Есения... что с вами? — Лидия осторожно прикрыла за собой дверь и перевела взгляд на упавшую вазу. — У вас первый рабочий день после командировки, а вы сама не своя.

— Всё нормально, просто голова тяжёлая, — ответила я, быстро подняв осколочно блестящую вазу с пола и поставив её обратно на стол.

— Вы с самого утра нервничаете. Эти убийства так сильно на вас повлияли?

— На всех повлияли, Лидия.

— Да, но вы будто лично пытаетесь во всём этом разобраться.

Я на секунду замолчала, чувствуя, как внутри снова поднимается тревога.

— А разве это плохо? — тихо спросила я.

Лидия нахмурилась, явно не зная, как ответить.

— Нет... просто иногда мне кажется, что вы слишком глубоко это принимаете.

— У вас поменялся взгляд спустя все эти несколько месяцев вашего отсутствия...

— Это не ваше дело, Лидия. Я здесь руковожу отделом, — холодно ответила она, даже не подняв на неё взгляд. — Прошу покинуть помещение.

На несколько секунд в кабинете повисла неприятная тишина. Лидия заметно растерялась, будто не ожидала услышать настолько резкий тон, затем медленно кивнула и, бросив короткий тревожный взгляд на меня и разбросанные по столу газеты, тихо направилась к двери.

— Как скажете... — почти шёпотом произнесла она перед тем, как выйти.

Дверь закрылась, и тишина в кабинете сразу стала тяжелее.

На столе у меня стоял телефон с дисковым набором. Я набрала номер милиции и, сжав трубку, стала ждать ответа. Гудки тянулись мучительно долго, казалось, каждая секунда специально растягивается, проверяя моё терпение; минуты три–четыре прошли в этой вязкой тишине, прежде чем на том конце наконец подняли трубку, и ответил какой-то молодой милиционер. Я представилась и попросила господина Родиона к телефону, но он сначала начал отказываться, говорить, что сейчас нельзя, что он занят, что у него нет распоряжений, и в его голосе чувствовалась неуверенная упёртость, которая только сильнее раздражала; после короткого напряжённого обмена он всё же будто сдался, вздохнул и сказал ждать, пока его позовут.

— Милиция, майор Родион у телефона, — раздался в трубке спокойный, собранный голос.

— Добрый день. Это Есения, редакция, — сказала я, стараясь держать ровный тон.

— Слушаю вас, Есения.

Я на секунду задержала дыхание.

— Майор Родион... я предлагаю сотрудничество. Если у вас появляются новые улики или подтверждённые данные по делу убийств, вы могли бы передавать их напрямую мне. Быстро, без лишней огласки. А мы, в свою очередь, будем аккуратно работать с информацией.

В трубке повисла пауза.

— Сотрудничество? — повторил он спокойно, но в голосе появилось лёгкое удивление, почти сухая ирония.

— Да. Это ускорит процесс и снизит количество слухов в прессе.

Снова тишина, короче, но плотнее.

— Есения, — наконец произнёс Родион, — какой вам прок, чтобы мы передавали информацию именно вам?

Я не сразу ответила.

— Потому что я могу работать с этим быстрее и точнее, чем общий поток через редакцию. Да и к тому же... я глава прессы.

— Быстрее — возможно, — спокойно сказал он. — Точнее — это уже вопрос.

Пауза.

— Вы хотите быть первой, кто знает, — продолжил он ровно. — А следствие не работает по принципу «первой информации для одного человека».

— Это не про «первая», — сказала я чуть резче. — Это про контроль утечек и порядок.

— Порядок уже есть, — ответил он холодно. — И он не включает персональные каналы для журналистов.

Я сжала трубку сильнее.

— Тогда вы сами создаёте хаос в прессе.

— Нет, — коротко сказал он. — Хаос создают те, кто пытается обойти правила.

Секунда тишины.

— У вас всё? — спросил он.

И в этот момент я поняла, что он уже принял решение.

— Думаю, да, благодарю за службу.

Связь прервалась.

Есть ли иные выходы?... — выдохнула я и тяжело опустилась в кресло, откидывая голову назад, но мысли только сильнее сжимали виски, не давая ни секунды тишины; резко поднявшись, я открыла шкаф и достала маленькое зеркальце, чувствуя, как дрожат пальцы, и когда я посмотрела на своё отражение, внутри всё похолодело. Мои зрачки действительно выглядели странно: не просто тёмные, а будто медленно краснеющие по краям, как если бы цвет проступал изнутри и постепенно заполнял взгляд, и чем дольше я смотрела, тем сильнее это ощущение становилось реальным, почти физическим, заставляя меня отстраниться и резко захлопнуть зеркало, потому что самое страшное было не то, что я видела, а мысль, что это уже невозможно списать на усталость или воображение.

У меня остался последний вариант... втянуть Лизу. Других способов сделать всё без своего участия не было. Я приведу Лизу в свой отдел, дам ей роль, и со временем она станет фоторепортёром нашего отдела. Но если я повышу её сразу после прихода, это будет слишком заметно, слишком резко, они обязательно увидят перемену, начнут задавать вопросы, искать причину, и тогда всё может рухнуть ещё до того, как начнётся. Так делать ошибочно... нужно выстроить всё так, чтобы это выглядело максимально правдоподобно, естественно, почти случайно, чтобы никто не заметил момента, в который решение было принято, и от этой мысли внутри становилось странно тихо и тревожно одновременно, будто я уже перешла какую-то черту, но ещё не услышала её.

Под вечер, выйдя из отдела, я направилась в сторону дома Лизы. Крикнув «Лиза, Лиза!» через пару минут услышала ответ с окна: «Здравствуйте, проходите, если хотите!» — голос прозвучал ровно и странно отстранённо, будто не из комнаты, а из самой стены дома. Тогда я

вошла в подъезд и сразу почувствовала тяжёлый, застоявшийся воздух, пропитанный сыростью и чем-то старым, будто здание давно перестало замечать время; лестница скрипела под ногами так, словно протестовала против каждого шага, а эхо уходило вверх с неприятной задержкой; поднимаясь, я увидела Лизу перед открытой дверью на четвёртом этаже. Она стояла неподвижно, слишком спокойно, как будто ждала меня не минуту, а гораздо дольше, и это ожидание уже стало частью её лица. Квартира оказалась маленькой, с низким потолком и давящей тишиной, в которой чувствовался запах сырости, старой ткани и кисловатого киселя, стоящего где-то на кухне; воздух здесь был густой, почти осязаемый, и казалось, что он не выходит наружу, а только копится годами. В гостиной я увидела стены, полностью покрытые фотографиями в рамках: пейзажи Ленинградской площади, московских аллей и пустых улиц, снятых так, будто в них никогда не было людей и времени, и от этого они выглядели не как воспоминания, а как доказательства чего-то тревожно реального. Я села на скрипучий кожаный диван, и его звук прозвучал неожиданно громко, как нарушение чужого, давно установленного молчания.

Лиза молча встала передо мной и смотрела так пристально, будто пыталась разглядеть не слова, а их скрытую подкладку, ту самую, где обычно прячется истинный смысл; в этом взгляде не было ни удивления, ни радости, только спокойное, почти холодное любопытство, от которого становилось не по себе. Я, не позволяя паузе затянуться, словно боясь, что тишина начнёт задавать вопросы вместо нас, сказала ей о сотрудничестве: о том, что помимо денег и её фотографий она сможет первой узнавать о всех инцидентах, о том, что работа будет не просто работой, а входом в закрытую часть города, где события происходят раньше, чем о них успевают рассказать. Я пообещала, что сначала она будет ходить вместе с опытным фотографом, который работает у нас уже несколько лет, и что только после этого, сравнивая их снимки — её и его, — я решу, кого оставить, а кого отодвинуть к двери, как будто человек может быть заменён не словами, а кадром; и если она выдержит, то получит не просто повышение, а возможность быть рядом со мной постоянно, там, где всё решается без лишних объяснений.

Она не дала чёткого ответа и вместо этого вдруг сорвалась с места и начала ходить из угла в угол, медленно, почти бесшумно, так, что скрип половиц звучал как чужие мысли в чужой голове; её шаги были неровные, будто она не мерила комнату, а пыталась найти в ней выход, который не виден с первого взгляда. Иногда она останавливалась у стены с фотографиями и задерживала взгляд на пейзажах, словно искала в них подтверждение чему-то, что я не успела назвать вслух, а потом снова отворачивалась, не решаясь задать вопрос, который уже явно стоял у неё внутри.

Я встала и, не давая разговору расползтись в лишние слова, спокойно сказала, что, если она всё же решится, пусть придёт по этому адресу, после чего протянула ей бумагу, на которой был адрес. Лиза взяла её не сразу, будто сам жест требовал внутреннего согласия, которого у неё пока не было. Она всё ещё молчала, переводя взгляд то на меня, то на бумажку в руках, словно пыталась понять, не является ли это предложение чем-то большим, чем просто работа, и не затрагивает ли оно то, о чём не принято говорить вслух. Я не стала ждать: в этой тишине уже не было смысла искать продолжение. Развернувшись, я направилась к двери, а после вышла из квартиры.

Спустя несколько дней в дверь моего кабинета осторожно постучали. Это была Лидия. По её лицу я сразу поняла, что произошло что-то необычное. Войдя, она сообщила, что в приёмной находится девушка, называющая себя фотографом. Когда Лидия поинтересовалась её именем и целью визита, незнакомка лишь улыбнулась и ответила, что некая Есения прекрасно знает, кто она такая. На мгновение я замерла, отложив документы в сторону. В памяти сразу всплыло лицо Лизы. Честно говоря, после нашей последней встречи я почти перестала думать о том, согласится ли она на моё предложение, поэтому её неожиданное появление вызвало у меня смешанные чувства. Велев Лидии проводить её ко мне, я поднялась из-за стола и подошла к окну.

Войдя в кабинет, Лиза вежливо поздоровалась и, слегка улыбнувшись, сказала, что рада возможности работать вместе со мной. В её голосе чувствовалась искренняя заинтересованность, и это невольно вызвало у меня ответную улыбку. Я поблагодарила её за то, что она приняла моё предложение, после чего решила не терять времени и провела для неё небольшую экскурсию по редакции. Мы прошли через шумные кабинеты журналистов, мимо архивов, а затем заглянули в несколько отделов, где сотрудники были заняты подготовкой очередных материалов. Лиза внимательно слушала, иногда задавая вопросы и с любопытством осматриваясь по сторонам, словно стараясь запомнить каждую деталь нового места, которому вскоре предстояло стать частью её повседневной жизни.

Познакомив Лизу с коллективом и показав ей её рабочее место, я собрала сотрудников и объявила, что с этого дня моей правой рукой становится господин Федорович. Как я и ожидала, новость была встречена без особого энтузиазма. В кабинете повисла неловкая тишина, а на лицах коллег читалось искреннее удивление. Никто не стал спорить или задавать вопросы вслух, однако я прекрасно понимала, что в этот момент каждый из них думал об одном и том же: почему именно он? Впрочем, их мнение интересовало меня меньше всего. Федорович был нужен мне не как помощник, а как удобная фигура, способная отвлечь внимание от куда более важных вещей. Пока подозрения будут сосредоточены на нём, у меня появится время привести свои дела в порядок. А когда необходимость в нём исчезнет и его имя окажется запятнано окончательно, я без колебаний избавлюсь от него, представив всем как предателя. Тогда место правой руки займёт Лиза.

К обеду я вышла на балкон, надеясь хотя бы ненадолго скрыться от бесконечного шума редакции. Там уже стоял Федорович. Облокотившись на перила, он смотрел куда-то вдаль, но, услышав мои шаги, тут же обернулся. На его лице застыло выражение, которое я ожидала увидеть с самого утра: смесь растерянности, недоверия и почти детского восторга. «Очевидно было, что у тебя будет именно такое лицо», — заметила я, остановившись рядом. Федорович усмехнулся, однако в его глазах продолжало гореть счастье человека, которому неожиданно подарили нечто, о чём он давно мечтал. «Есения, но почему? Почему именно я стал избранным?» — спросил он, качая головой. «Я бы сказал, что это воля Бога, но, к сожалению, я давно отрицаю его существование». Несколько секунд я молчала, наблюдая за тем, как он пытается найти объяснение происходящему. Если бы он только знал истинную причину моего выбора, то это выражение исчезло бы с его лица навсегда.

«У меня есть планы на тебя», — произнесла я с улыбкой, сделав несколько шагов в его сторону. Он рассмеялся, приняв мои слова за шутку, а я неожиданно поймала себя на мысли, что уже давно перестала различать, где заканчивается притворство и начинается правда. Сама того не заметив, я опустилась гораздо ниже, чем когда-либо могла представить. Федорович тем временем достал из кармана пачку сигарет, вытащил одну и, щёлкнув зажигалкой, закурил. Затем он молча протянул пачку мне. Обычно я отказывалась от подобных предложений, не желая превращать редкую привычку в зависимость, однако в тот день всё казалось каким-то неправильным и одновременно удивительно уместным. «Знаешь, обычно я не злоупотребляю этим», — сказала я, принимая сигарету, — «но сейчас ты действительно подобрал хороший момент». Некоторое время мы стояли в тишине, наблюдая за тем, как дым растворяется в холодном воздухе, и только мне одной было известно, что человек рядом уже стал частью плана, из которого ему никогда не выбраться.

Лиза приступила к работе уже на следующий день. К удивлению Есени, она быстро освоилась в редакции и почти не нуждалась в помощи. Пока сотрудники суетились между кабинетами, спорили из-за заголовков и сроков, Лиза спокойно занималась своим делом, появляясь то в коридоре с фотоаппаратом на плече, то за компьютером с очередной серией снимков. Несколько раз Есения ловила себя на том, что наблюдает за ней дольше, чем следовало бы, сама не понимая причины этого странного беспокойства. Ближе к вечеру Лиза задержалась в каби-

нете, перебирая фотографии с последней съёмки, и на её лице мелькнула довольная улыбка, словно ей удалось запечатлеть нечто необычное. Тогда Есения не придала этому значения и лишь вернулась к работе, ничего не подозревая.

Через несколько дней в моей квартире раздался стук в дверь: ровный, уверенный, будто человек за ней знал, что я всё равно открою. Я на секунду задержала взгляд на замке, прежде чем повернуть ключ. На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти: светлые, аккуратно уложенные волосы, почти идеально гладкое лицо и непривычно большие глаза, из-за которых взгляд казался слишком пристальным, будто он не просто смотрит, а изучает. Он был высоким, но худощавым, с той сухой, измождённой внешностью, которая часто бывает у людей, долго живущих в напряжении или ожидании чего-то.

— Здравствуйте, могу чем-то помочь? — спросила я спокойно, стараясь не выдать настороженности. Он поздоровался в ответ и, не торопясь переступить порог, сообщил, что раньше работал в отделе КГБ и хотел бы поговорить со мной, потому что у него есть несколько фотографий, о которых он обязан спросить лично.

Перед тем как он начал, я спросила, откуда у него мой адрес и как он вообще узнал, что я связана с журналистикой. Мужчина не торопился отвечать, словно заранее ждал этот вопрос, затем представился — Павел Журавлёв, отец Лизы Журавлёвой, и коротко пояснил, что дочь упоминала меня как своего руководителя, после чего он смог найти меня без особого труда. Я уже чувствовала, как разговор уходит не в ту сторону, но он сразу перешёл к сути: пару дней назад с ним связались сотрудники милиции по делу Марины Шестаковой. Им сообщил некий «Василий», что обнаружил её тело, и в ходе показаний всплыло моё имя как единственного человека, который был ей действительно близок, потому что других значимых связей у неё не нашли. Он достал из папки несколько фотографий, аккуратно вынутых из плёнки, и в этот момент у меня внутри всё неприятно сжалось.

— Как вы видите, — произнёс он ровно, — эти снимки нашли у неё дома, в запёртом комодe, который пришлось вскрыть, и на большинстве из них один и тот же молодой человек рядом с ней.

Я опустила взгляд и сразу узнала лицо на первой фотографии: Марина и рядом с ней парень лет двадцати пяти с тёмными глазами, усталым небритым лицом и выражением человека, который давно живёт на грани. На втором снимке они были вместе на скамейке в ленинградском парке, на третьем, уже у неё дома, слишком близко и слишком явно, будто между ними давно не осталось случайных встреч, и когда он наконец заговорил снова, его голос стал холоднее:

— По данным экспертизы, самая поздняя фотография, именно эта, была сделана в квартире, спешно и небрежно, будто в момент, когда времени уже не было.

Он поднял на меня взгляд, задавая единственный вопрос, от которого у меня похолодели пальцы:

— Кем был этот молодой человек и кем он ей приходился?

Я без раздумий сразу ответила, что понятия не имею, кто этот человек, но могу попробовать расспросить оставшихся подруг Марины и узнать хоть какие-то детали. Он выслушал меня спокойно и даже кивнул, соглашаясь с таким вариантом, однако в его взгляде не исчезло напряжение. Наоборот, в нём появилось что-то новое, более холодное и внимательное, словно он пытался уловить не столько мои слова, сколько то, что я от него скрываю. Я заметила это почти сразу, и хотя внешне он оставался вежливым и собранным, было очевидно: моему ответу он не поверил до конца и теперь мысленно проверял каждую мою реакцию. Также я попросила оставить эти фотографии у меня.

Перед тем как он ушёл, я задержала его у двери ещё одним вопросом:

— Простите, господин Журавлёв, а почему этим делом занимаетесь именно вы? Нам в отделе сказали, что им ведёт товарищ Родион.

Он на секунду остановился, не оборачиваясь полностью, словно не хотел встречаться со мной взглядом, и только тихо, почти устало ответил:

— Родион — мой старый товарищ... Я ему должен.

После этих слов он открыл дверь, и холод из подъезда на мгновение ворвался в квартиру вместе с ним. Он не добавил ничего больше и просто ушёл, оставив после себя ощущение недосказанности, которое стало тяжелее любых прямых обвинений.

Как только дверь захлопнулась, тишина квартиры стала почти физической, густой, давящей, как воздух перед грозой. Я медленно опустилась на пол, не замечая холода под ладонями, и впервые ясно подумала: врагов стало слишком много. Слишком много, чтобы успеть, слишком много, чтобы контролировать, и где-то в этом хаосе начинала проступать мысль, от которой хотелось отвести взгляд: они уже ближе, чем я думаю. Дыхание сбилось само собой, словно тело перестало слушаться, и я вцепилась пальцами в горло, пытаюсь вернуть себе ощущение реальности, но оно ускользало, рассыпалось, как мокрая бумага. Ощущение сжало грудь, и я раздражённо провела рукой по горлу, отгоняя физический дискомфорт как незначительную помеху, не имеющую отношения к сути.

«Нет», — сказала я вслух ровно, без сомнений. — «Они не имеют права меня останавливать. Я делаю это ради справедливости. Истинный убийца должен быть наказан».

И в этих словах не было борьбы, только подтверждение уже принятого решения. Я поднялась медленно, словно возвращаясь к привычному состоянию, и в квартире снова установилась ясная, холодная тишина, где всё происходящее выглядело не хаосом, а логичным движением к цели, которую просто начали замечать другие.

Через минут двадцать в дверь снова постучали. Я подумала, что он что-то забыл, и, открывая дверь, уже хотела спросить, что именно, но, распахнув её до конца, застыла на месте. На пороге стоял Михайлов с разбитым лицом: под глазами наливались тёмные синяки, губа была рассечена, а по скуле тянулась засохшая полоса. Он молча смотрел на меня, тяжело дыша, словно с трудом держался на ногах.

Я молча впустила его в дом, закрыла за ним дверь и, не задавая лишних вопросов, поставила чайник. Он так и остался стоять в прихожей, будто не был уверен, имеет ли право проходить дальше. Лишь когда я поставила перед ним чашку горячего чая, он медленно сел за стол, обхватив её обеими руками, словно пытался согреться. Теперь я могла спокойно рассмотреть его. На нём была выцветшая зеленоватая кофта, местами измятая и растянутая, длинные чёрные брюки, испачканные грязью и покрытые потёртостями, словно он долго шёл пешком или совсем недавно оказался втянутым в драку. Поверх всего висело длинное коричневое пальто, насквозь промокшее под дождём, с которого на пол продолжали медленно стекать тяжёлые капли воды. Но больше всего моё внимание притягивала его чёрная шляпа. Она казалась необычной, даже немного старомодной, однако сидела на нём настолько естественно, будто была сшита специально для него. Странно, но без этой шляпы я уже не могла представить Михайлова, она словно была такой же частью его образа, как усталый взгляд или вечное молчание.

— Вы встревожены, Михайлов. Что-то случилось? — тихо спросила я, осторожно наблюдая за тем, как он неподвижно смотрел в чашку с уже остывающим чаем. — По вашему лицу и глазам нетрудно догадаться, что произошло что-то серьёзное. Мне даже кажется, что вы боитесь рассказать об этом. Но можете быть спокойны: что бы ни случилось, вам незачем опасаться меня. Я не стану осуждать вас и никому ничего не скажу. Иногда человеку достаточно просто выговориться, чтобы стало хоть немного легче.

Он медленно поднял голову и впервые за всё это время посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде смешалось странное, почти болезненное отторжение с неподдельным страхом, словно он видел перед собой не меня, а нечто, чего сам не мог объяснить. Казалось, ему хоте-

лось что-то сказать, но слова застревали в горле, а пальцы, крепко сжимавшие чашку, едва заметно дрожали.

— Есения, послушай меня внимательно, — наконец произнёс он, понизив голос почти до шёпота. Он ненадолго замолчал, будто собираясь с мыслями, а затем продолжил: — К тебе сегодня, в течение дня, скорее всего, заходил Журавлёв. Или, по крайней мере, собирался зайти.

Не дав ему договорить, я перебила его, коротко кивнув:

— Да, он действительно приходил, — спокойно ответила я. — Буквально меньше пятнадцати минут назад он был здесь. Мы недолго поговорили, после чего он ушёл. А что произошло? Почему вы так встревожены, когда говорите о нём?

— Кажется, милиция уже совсем близка к разгадке, — произнёс Михайлов, не сводя с меня тяжёлого взгляда. — Им удалось выяснить, что в теле Марины остался нож, а на его рукоятки сохранились отпечатки пальцев убийцы. Если всё подтвердится, времени у него осталось немного.

Он ненадолго замолчал, после чего тихо добавил:

— И есть ещё кое-что... Скорее всего, когда вы стучали в дверь, убийца всё ещё находился рядом. Более того... он мог быть с вами в одном доме.

В этот момент что-то внутри меня дрогнуло. Мой взгляд резко изменился, но не от страха. Страх не было вовсе. Вместо него внутри медленно закипала злость. Мысль о том, что убийца находился всего в нескольких шагах от меня, дышал тем же воздухом, слышал мои шаги, а я так и не увидела его лица, казалась почти невыносимой. Он был рядом. Настолько близко, что, возможно, достаточно было открыть ещё одну дверь или сделать всего один лишний шаг, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

— Но это ещё не всё... — с заметным усилием произнёс Михайлов.

Он отвёл взгляд, несколько секунд молчал, будто боролся сам с собой, а затем тяжело выдохнул. Казалось, каждое следующее слово причиняло ему почти физическую боль.

— Вчера в милицию пришла женщина... Говорят, соседка Марины. Анастасия Белова. Она рассказала, что в ночь убийства Василия Аркадьевича стояла на своём балконе. Было уже темно, поэтому лица она не разглядела... только силуэт.

Он сделал паузу и медленно перевёл на меня взгляд.

— Она утверждает, что видела девушку с чёрными волосами, примерно до плеч, в длинном чёрном пальто... — его голос стал почти неслышным. — Вы ведь понимаете... к чему я веду?

На мгновение в комнате повисла мёртвая тишина. Было слышно лишь, как дождевые капли глухо ударялись о подоконник. Я продолжала смотреть на него, не моргая. Сердце сделало один тяжёлый удар, затем второй. Казалось, воздух внезапно стал плотнее, а стены комнаты медленно начали сжиматься вокруг нас. Теперь я понимала, чего он так боялся. Он приехал не только предупредить меня. Он приехал сказать, что подозрение впервые обрело силуэт.

— Этого не может быть... Я бы никогда... — слова сами сорвались с моих губ, но договорить я не успела.

— Я знаю, — резко перебил меня Михайлов, и в его голосе не было ни тени сомнения. — Я не затем пришёл, чтобы обвинять вас. Я пришёл потому, что времени почти не осталось. В скором времени к вам снова зайдёт господин Журавлёв. Скорее всего, он не станет упоминать Анастасию Белову и не скажет, что у милиции появился свидетель. Он будет вести себя так, будто ничего не произошло. Но затем попросит вас ненадолго пройти в участок... якобы для уточнения некоторых обстоятельств. Не верьте, что это обычная формальность. Если они пригласят вас туда, значит, вы уже попали в круг подозреваемых.

— А что насчёт подозреваемого по делу Марины? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно.

— Сейчас милиция пытается выйти на молодого человека, который запечатлён на нескольких фотографиях вместе с Мариной Шестаковой, — ответил Михайлов. — Его имени они пока не знают. Однако при обыске нашли письма, адресованные Марине. Ни на одном из них не было полного имени отправителя. В конце каждого письма стояла лишь одна подпись: «Твой Рогачёв». Пока это единственная зацепка, поэтому сейчас они пытаются установить, кто скрывается за этой фамилией.

— Почему... вы всё это мне говорите? — спросила я тихо, но каждое слово прозвучало тяжело, словно давило не только на него, но и на меня саму. Мой голос стал непривычно глухим, а в комнате вновь повисла тишина. Я не отводила от него взгляда, пытаясь понять, зачем он пришёл именно ко мне и почему решил доверить сведения, которые, по всей видимости, не должен был никому раскрывать.

— В прошлом я был агентом КГБ, — произнёс Михайлов после долгого молчания. Его голос оставался ровным, но в нём чувствовалась усталость человека, слишком многое повидавшего. — За свою жизнь я встречал немало людей, совершивших непоправимые ошибки. Одни делали это в порыве гнева, другие — от отчаяния, третьи — потому что однажды позволили себе переступить черту. Я всегда пытался помочь таким людям остановиться вовремя, но далеко не всегда это было возможно. Иногда человек меняется настолько сильно, что обратной дороги уже не существует. Ссоры, предательство, обиды... а в особенности убийство. Они оставляют след не только на руках, но и в душе. После этого человек уже никогда не становится прежним.

— Я надеюсь, вы не настолько безрассудны, чтобы поверить в этот бред! — сорвалась я на крик, так резко вскочив со стула, что тот с громким скрипом отъехал назад. — Вы всерьёз решили, что я могу быть причастна к этому? Ко всем этим убийствам? Да это просто смешно! Нет... это отвратительно! После всех моих страданий вы приходите в мой дом и позволяете себе хотя бы на мгновение допустить подобную мысль? Это не просто глупо... это оскорбительно!

Михайлов ничего не ответил. Он лишь медленно поднялся со стула, ещё несколько секунд молча смотрел на меня, словно хотел сказать что-то ещё, но в последний момент передумал. Уже у самой двери он тихо попросил меня быть начеку, не доверять никому и ни при каких обстоятельствах не оставаться одной по вечерам. После этого он осторожно открыл дверь и так же бесшумно покинул квартиру, оставив после себя тяжёлую, почти невыносимую тишину.

Утром, придя на работу, я первым делом попросила Лидию позвать в мой кабинет Федоровича. Мне хотелось поговорить с ним лично, без лишних ушей и случайных свидетелей, потому что некоторые вещи, сказанные вслух, уже не принадлежат тому, кто их произнёс. Они становятся частью чужого сознания, а иногда и чужой судьбы.

Через несколько минут в дверь постучали, и на пороге появился Роман Федорович.

— Доброе утро, господин Федорович. Как поживаете?

По его виду сразу было заметно, что работа у него шла полным ходом. Он выглядел так же, как и остальные сотрудники нашего отдела: белая рубашка, тщательно заправленная в чёрные, слегка узковатые брюки, и чёрный, немного удлинённый галстук, который придавал его образу строгий и почти безликий вид. В нём было что-то от человека, который привык скрывать свои настоящие мысли за правильными словами и спокойным выражением лица.

— И вам доброе утро, госпожа Есения. Благодарю вас, сейчас я весь в делах, работа действительно идёт полным ходом! — воскликнул он с какой-то искренней, почти детской радостью, будто сама возможность быть занятым придавала ему смысл.

Он немного помолчал, а затем уже с лёгким беспокойством в голосе добавил:

— Что-то случилось? Меня впервые так резко вызвали по срочному делу.

Есения слегка нахмурилась, но всё же улыбнулась. В её улыбке было что-то странное: не радость и не спокойствие, а скорее попытка скрыть то, что уже давно тревожило её внутри.

— По правде сказать, да. Вчера ко мне обратилась одна девушка. Давайте назовём её Софией. Она попросила меня узнать кое-что об Анастасии Беловой. По её словам, Анастасия будто бы следит за ней, и она хочет выяснить правду.

Есения сделала небольшую паузу, внимательно наблюдая за реакцией Федоровича.

— Я лишь сказала ей, что сама не смогу добыть такую информацию. Я не способна заниматься подобными вещами. Но у меня есть хороший знакомый, который, возможно, сможет ей помочь.

В этот момент в дверь постучали.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Лиза. Увидев нас вместе, она сразу изменилась в лице: её взгляд стал настороженным, а брови слегка нахмурились. Казалось, само присутствие Федоровича рядом со мной вызвало в ней какое-то подозрение.

Я посмотрела на неё и спокойно произнесла:

— Лиза, выйди пока ненадолго. Зайди чуть позже.

Она молча кивнула и закрыла дверь.

— Я понял вас! — воодушевлённо сказал Федорович. — Спасибо вам за то, что помогаете мне продвигаться дальше. Для меня это действительно важно.

Но Есения внезапно перебила его. Её взгляд изменился, а в глазах вновь появилось то странное, пугающее выражение, которое уже не раз заставляло людей рядом с ней чувствовать необъяснимый холод.

— А тебе уже сообщили, о какой статье я пишу сегодня?

Её голос был тихим, но в этой тишине было больше угрозы, чем в крике.

Федорович замер. По его телу словно прошла волна холода, а неприятное чувство тревоги медленно поднялось внутри. Он попытался сохранить спокойствие, но голос предательски дрогнул.

— Нет... Не слышал...

Есения улыбнулась, закрыла глаза и медленно поднялась с кресла. Она подошла к окну и повернулась к нему спиной, глядя куда-то вдаль, словно пыталась увидеть не город за стеклом, а что-то гораздо более далёкое и страшное.

— Говорят да поговаривают, что Бог спустился с небес...

На несколько секунд в кабинете повисла тяжёлая тишина.

— Ха... Я в такую чушь не поверю! — уверенно произнёс Федорович, пытаясь вернуть себе прежнее спокойствие.

Но Есения даже не повернулась.

— У меня есть второй информатор. Хотя, возможно, правильнее будет сказать — просто близкий мне человек. Он работал со мной в Москве, тоже был информатором. И я надеюсь, что его сведения окажутся не такими точными и правдивыми, как твои.

Она наконец посмотрела на него.

— Я ведь знаю, что ты лучше, Роман Федорович. Я знаю, что ты способен увидеть больше, чем остальные. Если Бог и вправду спускается с небес, значит, у него есть свои причины для этого.

Роман ужаснулся, но не позволил страху проявиться на лице. Он лишь коротко усмехнулся, стараясь сохранить достоинство.

— Я не поверю в такую чушь. И я вас не подведу, госпожа Есения.

С этими словами он вышел из кабинета.

Дверь закрылась, оставив Есению одну. Она ещё несколько мгновений стояла у окна, не двигаясь. Опасный взгляд не покидал её лица.

Вечером, уже в шестом часу, когда рабочий день постепенно подходил к концу, Есения вышла из здания. В коридорах давно стало тише, голоса сотрудников один за другим исчезали,

а за окнами медленно угасал дневной свет, уступая место холодному вечернему сумраку. Она уже собиралась направиться домой, когда возле главных дверей заметила Лизу.

Та стояла, словно кого-то ожидая. По её виду было сразу понятно, что она только что вышла из помещения: на ней всё ещё была рабочая форма, волосы были аккуратно собраны, а лицо сохраняло ту усталость, которая появляется у человека не столько от тяжёлого труда, сколько от бесконечных мыслей, не дающих ему покоя.

Есения остановилась, посмотрев на неё с лёгким удивлением. Она не ожидала увидеть Лизу после их короткого разговора в кабинете. В её взгляде читалось не просто желание поговорить, а скорее внутренняя борьба, будто она долго решалась подойти, но всё же не смогла уйти.

— Лиза? — тихо произнесла Есения.

Девушка подняла взгляд.

Несколько секунд они просто молчали. Иногда молчание между людьми говорит гораздо больше, чем любые слова. В нём скрываются и вопросы, и обвинения, и страх признаться в том, что давно тревожит душу. Есения внимательно посмотрела на неё, пытаясь понять, что привело её сюда.

— Ты ждала меня?

Лиза слегка отвела взгляд, словно собиралась с мыслями.

— Да, хотела спросить утром, но, видимо, вы были заняты, — тихо сказала Лиза, немного опустив взгляд. — Я лишь хотела узнать... свободны ли вы завтра?

Есения на мгновение задумалась, глядя на неё. Вопрос был простым, почти обыденным, но почему-то в нём ей послышалось что-то большее, чем обычное приглашение или желание поговорить.

— Абсолютно. После работы дел не планировала, — ответила она с лёгкой улыбкой.

Однако внутри её мысли были совсем не такими спокойными, как выражение лица. Она понимала, что сейчас любое промедление может сыграть против неё. Чем быстрее Федорович добудет информацию об Анастасии Беловой, тем скорее она сможет разобраться во всём происходящем. Всё могло измениться в один момент: один звонок, одна записка, одна найденная деталь могли перевернуть всю картину. Её тревожило не только то, что она пока не знала правды, но и то, что правда, когда она наконец откроется, могла оказаться совсем не такой, какой её ожидали увидеть.

Есения привыкла искать ответы, привыкла идти туда, куда другие боялись даже посмотреть. Но иногда ей казалось, что некоторые тайны не хотят быть раскрытыми. Они словно живые существа: сопротивляются, прячутся и ждут момента, когда тот, кто ищет их, сам окажется частью этой тайны.

Она снова посмотрела на Лизу.

— Завтра планируется съезд в Петроградском районе, в конференц-зале одной из гостиниц. Туда приглашены сотрудники милиции, работники нефтегазовой промышленности, представители отдела журналистики, а также другие важные личности, — спокойно начала Лиза, но по её голосу было заметно, что она рассказывает не просто о каком-то обычном мероприятии.

Есения внимательно слушала, не перебивая. Она привыкла замечать мелочи: паузы между словами, выражение лица собеседника, даже то, как человек произносит отдельные фразы. И чем больше она слышала, тем сильнее внутри неё появлялось странное чувство беспокойства. Она не совсем понимала, почему её не пригласили. Подобные собрания редко проходили без участия людей, имеющих отношение к расследованиям, информации и безопасности. Есения не считала себя человеком, который обязательно должен находиться в центре каждого события, но отсутствие приглашения казалось ей слишком странным, особенно учитывая последние обстоятельства.

— Странно... — тихо произнесла она, задумавшись.

Лиза некоторое время молчала, словно решала, стоит ли продолжать. Но затем всё же посмотрела на Есению и добавила:

— Сегодня к моему отцу подходила какая-то женщина. На вид ей было около сорока лет. Она сказала ему, что в ближайшие дни планирует сообщить майору Родиону что-то очень важное.

Есения слегка изменилась в лице, услышав это.

— Что именно она хотела сообщить?

Лиза покачала головой.

— Я не знаю. Отец не успел узнать подробности. Она сказала только, что это касается чего-то серьёзного.

Эти слова остались в тишине между ними. Есения задумалась. В её голове сразу начали выстраиваться возможные связи, но каждая новая мысль порождала ещё больше вопросов. Слишком много событий происходило одновременно. Ей казалось, что кто-то медленно раскрывает перед ней часть огромной картины, но самые важные детали всё ещё оставались скрытыми.

— Ты уверена, что эта женщина действительно собиралась говорить с Родионом? — спросила Есения.

— Да. Отец запомнил это точно.

Есения вновь посмотрела вдаль, пытаясь понять, почему именно сейчас всё начало сходиться в одной точке.

— Лиза, если эта женщина снова появится или если твой отец узнает что-то ещё, сразу сообщи мне.

— Хорошо.

Девушка кивнула, но всё ещё выглядела обеспокоенной.

— Есения... вы думаете, всё это связано?

Есения не ответила сразу. Она знала, что иногда самая опасная ошибка — это соединить между собой вещи, которые пока не имеют связи. Но в глубине души она уже чувствовала: эти события не возникли случайно.

— Пока не знаю. Но хочу понять.

Лиза некоторое время молчала, словно хотела добавить ещё что-то, но не решалась. Есения сразу заметила эту паузу. За годы работы она привыкла видеть, когда человек просто собирается с мыслями, а когда пытается подобрать слова, чтобы не сказать лишнего.

— Ты хотела спросить ещё о чём-то? — спокойно произнесла Есения.

Лиза слегка опустила взгляд.

— Да... Просто мне всё это кажется странным. Этот съезд, эта женщина, разговор с майором Родионом... Слишком много всего происходит одновременно.

Есения внимательно посмотрела на неё.

— А что именно тебя беспокоит?

Лиза задумалась.

— Я не знаю. Наверное, то, что эта женщина говорила так уверенно. Будто она знала, что её слова будут иметь большое значение.

Есения молча выслушала её. Она старалась не показывать своего интереса, но внутри уже начала анализировать каждую деталь. Женщина, которая хотела обратиться к Родиону, могла быть просто случайным человеком, а могла оказаться частью чего-то большего. Пока нельзя было делать выводы.

— Твой отец что-нибудь ещё говорил о ней?

— Только то, что она выглядела спокойной. Слишком спокойной. Обычно люди, когда хотят сообщить что-то важное, волнуются, боятся, торопятся. А она говорила так, будто уже давно всё решила.

Эти слова заставили Есению задуматься.

— Иногда самые опасные люди — не те, кто говорит громко, а те, кто уже принял решение и просто ждёт подходящего момента.

Лиза посмотрела на неё с лёгким удивлением.

— Вы думаете, она опасна?

— Я думаю, что пока мы ничего о ней не знаем, нельзя делать выводы.

Есения сказала это спокойно, но сама понимала: неизвестность иногда была гораздо тревожнее любой открытой угрозы.

— А почему вы не получили приглашение на этот съезд? — спросила Лиза.

Этот вопрос заставил Есению ненадолго замолчать.

Она и сама задавала себе его с того момента, как услышала о собрании. В её работе информация была главным инструментом, и если какое-то важное событие проходило без её участия, значит, либо её намеренно исключили, либо она ещё не знала всей картины.

— Не знаю, — наконец ответила она. — Но я хочу это выяснить.

Лиза кивнула.

Они ещё некоторое время стояли возле здания, продолжая разговор, когда вдали показалась молодая девушка. По её походке было видно, что она куда-то спешила, но, заметив Лизу, сразу изменила направление и направилась к ним.

— Привет, Лиза! Давно же тебя не видно! — радостно произнесла она.

Лиза сразу узнала её и слегка улыбнулась.

— Привет. Да, действительно давно не виделись.

Это была её однокурсница. Они не встречались уже около двух недель, как раз с начала университетских каникул, когда каждая разошлась по своим делам. За время учёбы они успели хорошо узнать друг друга, поэтому эта неожиданная встреча была для обеих приятной.

Девушка выглядела примерно на свой возраст, около двадцати одного года. У неё были длинные светлые волосы, аккуратно лежавшие на плечах, круглое лицо с мягкими чертами и заметный румянец на щеках, придававший ей немного наивный и открытый вид. На волосах у неё красовалась небольшая заколка в форме ромашки, которая странно сочеталась с холодным вечерним воздухом, словно напоминая о более тёплых днях. Ростом она была чуть ниже Есени. Сама Есения была выше среднего роста, около ста семидесяти пяти сантиметров, поэтому даже среди окружающих людей её фигура всегда немного выделялась.

— Как у тебя дела? — спросила девушка, обращаясь к Лизе. — Я думала, что за каникулы мы уже точно увидимся, но ты куда-то пропала.

— Да так, дел было много, — ответила Лиза.

Она на мгновение посмотрела на Есению, словно вспомнила, что рядом с ней стоит человек, о котором её однокурсница ничего не знала.

— А это кто? — с любопытством спросила девушка.

Лиза немного замялась, после чего представила их друг другу.

— Это Есения.

Есения спокойно посмотрела на девушку и слегка кивнула.

— Приятно познакомиться.

Девушка улыбнулась в ответ, не подозревая, что ещё несколько минут назад разговор шёл совсем не о простых университетских делах, а о вещах, которые могли затронуть гораздо больше людей, чем они обе могли представить.

— Меня зовут Нина Александровна. Я однокурсница Лизы Журавлевой, — представилась девушка с лёгкой улыбкой.

После короткого знакомства Лиза и Нина отошли немного в сторону, чтобы поговорить. Было заметно, что они давно не виделись и обе хотели обменяться новостями после начала

каникул. Однако их разговор не успел продолжиться надолго: Нина время от времени поглядывала в сторону дороги и словно куда-то торопилась.

— Извини, Лиза, я бы с удовольствием ещё поговорила, но мне действительно нужно идти, — сказала она немного виновато.

Лиза лишь улыбнулась и кивнула. Она понимала, что у каждого сейчас были свои дела, особенно во время каникул, когда люди часто разъезжались или занимались тем, на что не хватало времени во время учёбы.

— Тогда увидимся в университете, — ответила Лиза.

— Конечно. Надеюсь, после каникул уже нормально встретимся и всё обсудим.

Нина попрощалась с ними и вскоре направилась по улице, постепенно скрываясь среди прохожих. Есения молча наблюдала за этой короткой встречей, не придавая ей особого значения. Для неё это был всего лишь случайный эпизод обычного вечера, один из тех моментов, которые обычно забываются сразу же после того, как происходят.

— Ну что ж, пойдёмте? — спросила Лиза, повернувшись к Есении.

Есения на мгновение задумалась, после чего слегка покачала головой.

— Нет, сегодня я, пожалуй, останусь. Меня ждёт один молодой человек. А вы идите, Лиза, не задерживайтесь.

Эти слова будто сразу изменили выражение лица девушки. Её глаза оживились, а на лице появилась искренняя улыбка, которую она даже не пыталась скрыть.

— Молодой человек? — переспросила она с заметным удивлением. — Так у вас есть кто-то?

Есения сразу поняла, к чему ведёт этот вопрос, и слегка нахмурилась.

— Лиза, не стоит делать поспешных выводов.

Но девушка уже явно заинтересовалась.

— Почему же? Вы никогда ничего о себе не рассказывали. Я даже подумать не могла, что у вас есть молодой человек.

— Его нет, — спокойно ответила Есения.

Лиза немного растерялась.

— Но вы только что сказали, что вас ждут.

— Да, ждут, — ответила Есения, сохраняя серьёзное выражение лица. — Но это не значит, что речь идёт о каких-то романтических отношениях.

Лиза улыбнулась, явно не поверив ей до конца.

— Вы так говорите, будто специально пытаетесь скрыть это.

Есения посмотрела на неё с лёгким недоумением.

— А зачем мне что-то скрывать?

— Не знаю, — ответила Лиза, немного смутившись. — Просто вы кажетесь таким человеком, который никогда не рассказывает о личном. А тут вдруг выясняется, что кто-то вас ждёт после работы.

Есения ничего не ответила, лишь посмотрела в сторону улицы.

— Иногда человек может ждать тебя не потому, что между вами что-то есть.

Лиза задумалась над её словами, но всё равно улыбка не исчезла с её лица.

— Всё равно странно видеть вас такой.

— Какой?

— Обычной, — честно сказала Лиза. — Не только строгой и собранной. Вы всегда выглядите так, будто думаете сразу о десяти вещах одновременно.

Есения слегка усмехнулась.

— Возможно, потому что так и есть.

— А я всё равно думаю, что это кто-то важный, — с лёгкой улыбкой сказала Лиза.

— Ты слишком много додумываешь.

— Возможно, — согласилась девушка. — Но иногда догадки оказываются правдой.

Есения лишь покачала головой, не желая продолжать этот разговор. Однако где-то глубоко внутри её немного удивляло, насколько легко Лиза могла говорить о таких простых вещах. Для неё самой подобные темы давно стали чем-то далёким и почти забытым.

— Ладно, иди уже домой, пока совсем не стемнело, — сказала Есения.

Лиза улыбнулась и попрощалась, но, уходя, ещё раз обернулась.

— Всё равно я вам не верю насчёт молодого человека.

Есения впервые за этот вечер позволила себе лёгкую улыбку.

— Это уже твоё дело, Лиза.

Когда Лиза ушла, её шаги постепенно растворились в вечернем шуме улицы. Есения ещё несколько секунд смотрела ей вслед, а затем повернулась к стеклянной двери, за которой уже некоторое время находился Роман Федорович.

Она дважды тихо постучала по стеклу.

— Тук-тук.

Через мгновение дверь медленно открылась, и из тёмного помещения вышел Федорович. На его лице сразу было заметно недовольство, смешанное с усталостью.

— Сколько же вы разговаривали... — произнёс он, тяжело вздохнув. — Я там чуть не уснул в темноте.

Есения посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Извиняюсь, виновата. Но нельзя же выдавать себя поспешностью.

Её голос изменился. Ещё несколько минут назад, разговаривая с Лизой, она была спокойной, почти мягкой. Сейчас же в её интонации появилась знакомая Роману холодность, лёгкая насмешка, за которой скрывалась уверенность человека, привыкшего держать ситуацию под контролем.

Федорович заметил эту перемену и слегка нахмурился.

— Вы всегда так делаете? — спросил он. — Сначала заставляете человека ждать, а потом говорите, что это было необходимо?

Есения чуть приподняла бровь.

— Иногда ожидание даёт больше, чем действие.

— Не понимаю.

— И не обязательно понимать, Роман Федорович, — спокойно ответила она. — В нашей работе главное не только то, что человек делает, но и то, что он думает в момент ожидания.

Федорович посмотрел на неё с лёгким раздражением.

— А я думал, что моя задача просто добыть информацию.

Есения улыбнулась.

— Ваша задача — добыть её правильно.

На несколько секунд между ними повисла тишина. Федорович понимал, что перед ним снова была не та женщина, которая несколько минут назад спокойно разговаривала с Лизой. Перед ним была Есения, привыкшая просчитывать людей и видеть больше, чем они показывают.

— Надеюсь, это ожидание того стоило, — сказал он наконец.

Есения посмотрела на него.

— Сейчас узнаем.

Федорович молча достал из кармана небольшой сложенный лист бумаги и протянул его Есении. В его движении не было ни сомнения, ни колебания, скорее, желание показать, что он выполнил поручение и сделал всё возможное.

Есения взяла бумагу и развернула её под тусклым светом фонаря.

— Что это? — спросила она, хотя уже догадывалась.

— Приглашение на завтрашнюю конференцию, — ответил Федорович. — Меня туда пригласили, но идти я не собирался. Вместо меня отправитесь вы.

Он говорил спокойно, но в его голосе чувствовалось почти скрытое ожидание её реакции. Ему было важно услышать одобрение, словно сама похвала Есении стала для него наградой.

— Там, возможно, будет присутствовать Белова, — продолжил он. — Конечно, это не подтверждено, но вероятность есть. Если вам удастся встретить её, вы сможете направить её к своей знакомой Софии.

Есения несколько секунд смотрела на него, а затем внезапно хлопнула руками.

— Bravo, bravo! Чудно, мой дорогой коллега. Должна признать, ты просто прекрасно справился.

На её лице появилась широкая улыбка, но в этой улыбке было что-то странное. Она улыбалась не только потому, что получила нужную информацию. Ей нравилось видеть, как человек, ещё недавно самостоятельный и уверенный, теперь стремится заслужить её одобрение.

Федорович слегка оживился.

— Это ведь ты попросил майора, чтобы отдел журналистики присутствовал на конференции? — спросила Есения.

— Так точно! — с воодушевлением ответил он. — Я поговорил с майором Родионом и объяснил ему, что мы, хоть и частично, но тоже относимся к делам, связанным с убийствами и другими происшествиями, которыми занимается милиция. Журналистика ведь тоже играет роль в подобных расследованиях.

Он достал ещё несколько деталей из памяти, словно хотел доказать, насколько хорошо справился.

— В итоге он согласился.

Есения вновь посмотрела на лист бумаги.

— А это?

— Здесь указан адрес и время. Приглашение я оставил незаполненным. Своего имени не указал.

Федорович указал пальцем на пустые строки.

— Возле слов «приглашённый/ая» и «подпись» заполните всё сами. На месте никто не должен обратить внимания.

Есения медленно провела пальцем по краю бумаги и убрала её в карман.

— Как предусмотрительно.

Она произнесла это почти ласково, но Роман почувствовал в этих словах не только похвалу.

Вечерний ветер прошёл между домами, и на несколько секунд вокруг них стало непривычно тихо. Федорович смотрел на неё с ожиданием, а Есения на него с холодным спокойствием человека, который уже получил именно то, что хотел.

Есения несколько секунд молча смотрела на него, после чего убрала бумагу во внутренний карман пальто.

— Благодарю тебя, Роман Федорович. Постарайся ещё немного, и, возможно, уже в скором времени ты окажешься на новой, более удобной должности.

Федорович слегка оживился, услышав эти слова.

— Вы действительно так думаете?

Есения посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Конечно. Я вижу, когда человек старается.

Она сделала небольшую паузу, позволяя этим словам осесть в его сознании.

— Я верю в тебя.

Для другого человека эти слова могли бы показаться обычной поддержкой, но для Романа они значили гораздо больше. Ему было важно не само повышение и даже не новая должность. Ему было важно то, что именно Есения заметила его старания.

Есения слегка наклонила голову и добавила уже более тихим, почти загадочным голосом:

— А если всё-таки Бог спустится с небес... то он точно вознаградит тебя. Не лишай Бога смысла спускаться на землю.

Федорович замер на мгновение.

В её словах было что-то странное. Она говорила спокойно, почти ласково, но за этой мягкостью скрывалось нечто холодное. Будто она не просто говорила о вере, а проверяла его реакцию, играла с той мыслью, которую сама же и вложила в его голову.

Роман попытался улыбнуться.

— Вы всё ещё думаете об этом?

— Я думаю обо всём, — ответила Есения.

Она посмотрела на него внимательно.

— В том числе о людях. О том, что ими движет. О том, ради чего они готовы идти дальше.

Федорович ничего не ответил.

Он всё ещё не замечал, что уже давно перестал просто выполнять поручения. Ему хотелось доказать свою ценность. Хотелось услышать ещё одну похвалу. Хотелось, чтобы Есения снова сказала, что верит в него.

А Есения это понимала.

Она давно научилась замечать слабые места людей. Иногда человеку не нужно приказывать, достаточно дать ему надежду, и он сам пойдёт туда, куда его направят.

Попрощавшись с Романом Федоровичем, Есения направилась домой. Вечерний бульвар постепенно пустел: прохожих становилось всё меньше, холодный ветер лениво колыхал кроны деревьев, а последние лучи солнца медленно исчезали за крышами ленинградских домов, уступая место ранним сумеркам. Неторопливо шагая вдоль аллеи, она неожиданно заметила на одной из деревянных лавочек пожилую женщину, которой на вид было около восьмидесяти лет. Та была одета во всё чёрное, а на груди её тускло поблёскивали многочисленные медали, сразу выдававшие человека, пережившего войну.

На переносице покоились круглые очки, короткие седые волосы слегка вились, а прямая осанка невольно заставляла относиться к ней с уважением. Позже Есения узнает, что эта женщина была вдовой советского генерала, однако сейчас её внимание привлекла вовсе не старушка. Рядом с ней стоял Михайлов, что-то спокойно и терпеливо объясняя своей собеседнице. Он говорил негромко, время от времени указывая рукой куда-то в сторону улицы, а женщина внимательно слушала его, лишь изредка кивая головой. На мгновение Есения даже усомнилась, не ошиблась ли она, однако, присмотревшись внимательнее, окончательно убедилась, что перед ней действительно Михайлов. Эта встреча показалась ей неожиданной: она никогда не представляла его в подобной обстановке. Не желая сразу выдавать своего присутствия, Есения остановилась в нескольких шагах от них и молча стала наблюдать за разговором, чувствуя, как обычное любопытство постепенно берёт верх над желанием спокойно продолжить путь домой.

— Вы слишком много берёте на себя, — говорила генеральша, поправляя очки. — Молодость всегда думает, что ей всё по силам. А потом приходит время, и человек понимает, что жизнь не так проста, как ему казалось.

Михайлов слегка улыбнулся.

— Возможно. Но разве это плохо — пытаться помочь?

— Помочь — хорошо, — ответила она. — Но вы, молодые, часто забываете о другом. О долге. О дисциплине. Сейчас многие думают только о собственных желаниях.

Михайлов на несколько секунд задумался.

— А разве раньше все были одинаковыми? Разве среди вашего поколения не было людей, которые думали только о себе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.